Мечник

Автор:
Василий Сахаров

Мечник

Василий Иванович Сахаров

Сержант гвардии Александр Мечников отслужил свой пятилетний контракт. Он свободен, имеет средства к существованию, хочет жениться и жить как обычный человек. Однако родное государство и бывший командир Еременко имеют на него определенные виды. Мечников становится офицером отдела дальней разведки, его ожидают новые задания в разрушенном чумой мире. Перед ним и его товарищами – Кубань и Дон, Украина и Калмыкия, Турция и Ставрополье. Везде – опасность и неизвестность. Несмотря на трудности и множество противников, среди которых разбойники, сатанисты и самостийники, отряд Мечника выполняет приказ и старается выжить.Содержит нецензурную брань.

Василий Иванович Сахаров

Мечник

Кубанская Конфедерация – 2

Василий Иванович Сахаров

Мечник

Глава 1

Кубанская Конфедерация. Станица Павловская.

15.11.2061

Майор Черепанов, стройный брюнет, затянутый в армейский камуфляж, оторвался от ноутбука, на котором что-то печатал, поднял на меня взгляд, и спросил:

– Может быть, все же останешься?

– Нет, командир, для себя я уже все решил. Хватит, свой пятилетний контракт я отработал честно, а теперь на вольные хлеба хочу уйти. Деньги есть, связи имеются, да и подругу мою, что за морем, в Трабзоне с ребенком осталась, сюда перетянуть хочу. Построю дом в Гвардейском, отдохну, а там уже и решу, чем заняться.

– Ну, раз так, значит, иди своей дорогой и не отступай. Однако если захочешь вернуться, то прапорщика я тебе в бригаде сразу пробью и в военное училище отправлю. У нас офицеров не хватает, да и с хорошими сержантами проблема. Сам все знаешь.

Это да, это я знал. После похода на Кавказ, где наш экспедиционный корпус умылся кровью, потерял более шестидесяти процентов личного состава и все тяжелое вооружение, от нашего гвардейского батальона спецназа, в строю осталось четыре человека. Мы вернулись в станицу Павловская, где находился базовый лагерь нашей славной Четвертой бригады, некоторое время отдыхали, и

началась обычная служба. Президент Симаков, по сути своей диктатор нашего государственного образования под названием Кубанская Конфедерация, приказал восстановить наш батальон, и понеслись деньки один за другим.

Мне, самому обычному гвардейскому сержанту Сане Мечникову, дали под командование группу молодых разгильдяев, готовых послужить родине, и я постарался за год с небольшим, сделать из них настоящих бойцов. Думается мне, что это у меня получилось очень хорошо. Все пятнадцать человек, находившиеся у меня под началом, стали настолько лютыми бойцами, что их даже свои сослуживцы, немного побаивались, и не важно, новобранцы или ветераны, все едино. В душе, я гордился этими парнями и передал им все, что знал и умел сам, а может быть, даже чуточку больше, поскольку не скупился, и за небольшое вознаграждение нанимал в бригаде инструкторов, которые в какой либо военной специальности, понимали и знали больше чем сержант отслуживший пять лет.

Завтра заканчивался мой пятилетний контракт, который я, в свое время подмахнул не глядя. Я попрощаюсь с парнями, прошедшими со мной очень многое, с бойцами моей группы и с нынешним командиром батальона. Что будет потом? Над этим вопросом я размышлял часто, но так до конца и не определился, на какой путь мне все же встать. Не потому, что были какие-то сомнения, а по той простой причине, что знал, строить долгосрочные планы в нашем изменчивом мире, бесполезно. Человек, в данном случае я, может размышлять о чем угодно, но вот куда его кривая судьбы вывезет, предугадать нельзя. Впрочем, я верил в свою счастливую звезду и хотел надеяться только на лучшее. Впереди свободная жизнь, игра начинается, но уже сейчас, у сержанта Мечникова есть некоторые планы и несколько козырей в рукаве.

В первую очередь, конечно же, это деньги, которые у меня имелись. Не много и не мало, но три тысячи золотых «конфов» наличкой, это, между прочим, сорок пять килограмм драгоценного металла, и акции некоторых предприятий нашего государства, общей стоимостью еще в пятнадцать тысяч монет. Пока, все это хранилось у нашего бывшего комбата Сергея Ивановича Еременко, который после полученных на Кавказе ранений, не смог более тянуть на себе командование батальоном, но и службу не бросил, и сейчас заседал в органах государственной безопасности, заместителем начальника аналитического отдела. Неплохо пристроился полковник, глядишь, что и мне это как-то пользу принесет.

Во-вторых, мои надежды укреплялись тем, что наконец-то, на границах Конфедерации воцарилось относительное спокойствие, которое несло стране долгожданную стабильность и возможность развиваться без угрозы со стороны внешних врагов. На севере мир, царь Иван подписал пакт о ненападении и, как говорят, тихо спивается у себя столице, городе Шахты. В Крыму нанесен удар по караимам, и они отступили к западному побережью полуострова. На востоке, после сражения под Мокрым Батаем, единственная уцелевшая орда дикарей-«беспределов», все же обогнула озеро Маныч-Гудило, и ушла в сторону Волги.

Самая главная проблема оставалась на Кавказе, где войска Новоисламского Халифата стремились пробиться к нашим внутренним районам. Однако, в течении летней военной кампании, блестяще проведенной нашим самым лучшим полководцем генералом Крапивиным, южане были вынуждены отступить. Как вещало столичное радио, главный источник информации в нашем государстве, было проведено сразу четыре наступательных операции, и сейчас, понеся огромные потери, южане вновь откатились на территорию Грузии и Азербайджана. Они потеряли всю Кабардино-Балкарию, Аланию, плодородную Рионскую Низменность и большую часть Чечни, и вновь собирали войска для очередного рывка на север. О мирных переговорах речь пока не шла, халифатцы все еще были сильны, но Крапивин должен был их дожать в течении зимней кампании, и сомнений в том, что Новоисламский Халифат потерпит поражение, не было ни у кого. Опять же Трабзон от них откачнулся, и заключил с нашими войсками, вышедшими к Кобулети, временное перемирие.

И третье, что вселяло в меня уверенность в завтрашнем дне. Это то, что я был молод. Мне всего только двадцать два года, я здоров, силен, не глуп, хорошо подготовлен и готов принять любые удары судьбы, выстоять и оказаться победителем. Можно сказать, что это самоуверенность, а с другой стороны, это знание своих сильных сторон.

– О чем задумался? – прервал мои думки Черепанов.

– О гражданке, командир, – усмехнулся я, и сам спросил: – А ты, отчего в отставку не выйдешь?

– Что мне там делать, Мечник? Я воин, и кроме как воевать, ничего более не умею. Веришь или нет, а как одежду гражданскую одеваю, так места себе найти не могу. Батальон мой дом и здесь моя родная стихия.

– Понятно, – протянул я. – Еременко при встрече что-нибудь передать?

– Да, в общем-то, нет, – пожал плечами комбат. – Мы с ним по рации частенько общаемся, а вскоре телефонную линию к Павловской протянут, и совсем хорошо будет.

– Насчет Исмаила что-то слышно?

Майор нахмурился и ответил:

– Нет, ничего нового. Известно точно, что Гену Симакова в Грузии именно он достал, но вот что с ним потом случилось, не известно. Его искали и, между прочим, очень хорошо, но никто найти не смог. Как в воду Исмаил канул и, наверное, для него это самый лучший вариант. Все же он не кого-то привалил, а старшего сына президента, хоть и предателя, но все же родную кровь. Как Симаков-старший отреагировал на это убийство, можно только догадываться, так что, скорее всего, сидит сейчас наш камрад где-то высоко в горах, вот пусть там и находится.

– Ясно, – я встал с креслица, в котором сидел. – Ну, пойду, напоследок по лагерю пройдусь.

– Давай, – кивнул офицер, и вернулся к экрану своего ноута.

Выйдя из штаба батальона, невысокого и приземистого кирпичного домика, на окраине станицы Павловской, огляделся. Все как обычно. В палаточном лагере, раскинутом вокруг нескольких улиц, все та же суета, хотя, большей части нашей бригады здесь нет, кто на Кавказе, кто на Дону, а кто и вообще, непонятно где боевую задачу выполняет. Однако, два батальона всегда на месте, и как обычно, над плацем разносится гневный голос майора Максимова, этого человека-переростка, готовившего для бригады новых бойцов.

Эх, хорошо-то как. Я полной грудью вдохнул осенний ветерок, и направился в сторону палатки, отведенной под нашу Вторую группу. Воины у меня резкие, и приходится постоянно за ними присматривать, чтоб не залетели в какую-нибудь нехорошую передрягу. В этом месте я последние сутки нахожусь, и совсем не хочется тратить это время на спор с каким-нибудь бригадным офицером, у которого на вечерних танцах в станице подругу увели, а потом в грызло сунули,

чтоб не пытался авторитетом и погонами давить.

В расположении группы все было в норме. Бойцы вернулись с полигона, чистили оружие и слушали музыку, льющуюся из подвешенного в угол динамика громкоговорителя.

– Сержант, – обратился ко мне один из парней, молодой белобрысый паренек, позывной Сметана, – на стол когда накрывать будем?

– К вечеру, вместо ужина. Все купили, что я говорил?

– Так точно, все самое лучшее, что в станице на рынке было, – паренек ухмыльнулся и перечислил: – Водочка, винцо, три ящика пива, фрукты, салаты, хлеба побольше, колбаски, зелени и рыбку копченую. Что в списке было, все взяли.

– Что с мясом на шашлык?

– Замариновали четыре ведра, два с бараниной и два со свининой.

– Норма, – я присел на столик в уголке, который сколотил специально для себя, и достал из РД, лежащего под ним, свой ноутбук, служивший мне верой и правдой, уже почти пять лет.

– Мечник, – вновь окликнул меня Сметана, – а кто у нас командиром группы вместо тебя будет?

– Офицеров нет, прапорщиков тоже нехват, так что сержант Иноков из Третьей роты.

– Это тот, у которого пять ранений было?

– Он самый, между прочим, мой товарищ, и слушать его как меня. Как поняли, воины? – я оглядел сидящих посредине палатки парней.

Бойцы загудели, мол, не переживай, сержант, мы не подведем. Раз так, то можно быть спокойным, хотя намучается с ними Инок, это и к гадалке не ходи,

слишком уж лихие парни у меня на воспитании были. Впрочем, это уже не моя забота.

Воткнув адаптер ноута в сеть, включил его, и вывел на экран текстовый файл, созданием которого я занимался уже три месяца. В нем не было ничего секретного, но у многих он вызвал бы определенный интерес. Это было полное описание Кубанской Конфедерации на этот год. Сюда я вносил всю известную мне информацию по ресурсам, населению, промышленности и экономике нашего государства. Я собирался начинать новую жизнь и был просто обязан знать, что и где находится. Начинал с мелочей, а потом так увлекся, что и парней своих стал напрягать, чтоб сведения добывали. Благо, народу у нас в бригаде много и он разный, люди со всех концов страны здесь службу тянут. У одного кусочек информации имеется, у другого, а сложи все вместе, очень полная и точная картина всей нашей державы получается. Плюс, имеются старые карты, а если сведения накладывать еще и на них, то совсем шикарно выходит.

Сегодня, мой труд по землеописанию Кубанской Конфедерации был окончен, до вечернего празднования время еще есть, и я, в который уже раз, стал просматривать этот файл и по мелочам добавлять в него что-то новое.

Итак, на сегодняшний день Кубанская Конфедерация состоит из двенадцати районов и столичного округа, прежняя республиканская структура была упразднена нашим диктатором еще в прошлом году. Самый северный район это Ростовский, очень слабый, как в экономическом плане, так и по человеческим ресурсам. Нет ни одного целого завода, и только сейчас, местные жители пытаются знаменитый «РостСельмаш» возродить. Людей в тех краях около семидесяти тысяч, но постоянно прибывают беглецы со стороны Шахт, и это очень хорошо. Теперь восточный район, Ставропольский, три населенных анклава, Невиномысск, Минеральные Воды и Пятигорск. Промышленности нет, но людей чуть более ста тысяч, и идут поселенцы из других уцелевших городков Ставрополья.

Вот, два самых отдаленных района, а остальные десять, это внутренние, те, которые ранее, еще до чумы и Хаоса, входили в Краснодарский край, и только Керчь, была владением Украины. Самый мощный район, это, конечно же, Приморо-Азовский, почти четыреста тысяч человек и мощная промышленность, без больших и фатальных потерь пережившая катаклизмы на самой окраине Краснодарского края. Темрюк, Славянск на Кубани, Ейск, до сих пор разрушенный Приморо-Ахтарск и недавно присоединенная Керчь. Вот основные

городки этого района, а заводы и предприятия, вообще, разговор отдельный, тут тебе и рыбзаводы вместе со зверофермами в Темрюке, и птицефермы в Славянске на Кубани, и восстанавливаемый судостроительный завод «Залив» в Керчи, и сам Ейск, город принадлежащий семье Симаковых. Только в нем, пять крупных заводов: 570-й авиационный ремонтный, Ейский станкостроительный, консервный комбинат «Азов», рыбзавод «Ейск» и «КубаньГлавстрой». Это всего один район, и их еще девять и сама столица.

Кстати, насчет столичного округа, информации вроде, как и много, а все же она неполная. Например, Краснодарская ТЭЦ, снабжающая большую часть населенных пунктов Кубани электричеством. Со стороны если смотреть, то самое обычное государственное предприятие, а в то же самое время, стратегический объект под охраной СБ. Сколько там трудится людей, неизвестно, и на чем она работает, так же, не ясно, то ли на мазуте, а то ли и на газе. Думаю, что все же на мазуте, но это не принципиально.

Всего в Краснодаре и окрестных поселках проживает почти сто шестьдесят тысяч человек, из которых пять тысяч это солдаты ВБР, гвардии и госбезопасности. Кроме ТЭЦ, имеется еще шесть крупных предприятий. В первую очередь, конечно же, КОФ – Краснодарская Оружейная Фабрика братьев Семеновых, бывший завод «КраснодарСельмаш», в настоящий момент выпускающий автоматы, винтовки, пистолеты, гранаты, патроны и холодное оружие. Кстати, у меня есть небольшая доля в этом предприятии. Второй крупный завод, это «Седин», производящий станки, броневики и минометы. Третье предприятие «КубаньНефть». Чем оно занимается, понятно из названия. Четвертое это «КубаньПровод», разумеется, производящее провода и кабеля. Кроме них, есть «Нефтемаш» и швейная фабрика «Александрия». В общем, за двадцать с лишним лет существования нашей Конфедерации, кое-что мы не только смогли сохранить, но и восстановить.

На остальных районах Конфедерации подробно останавливаться не стану, и только перечислю основные промышленные объекты, которых очень даже не мало. Тихорецк, машиностроительный завод имени Воровского, производит паровозы, вагоны и оборудование. Кропоткин, экспериментальный машиностроительный завод, производитель бытовой химии, АО «КубаньСтрой» и АО «ПищеПром». Новороссийск, предприятие «НовороссЦемент», радиозавод «Прибой», сталелитейный «НовороссМеталл» и рыбзавод «Черномор». Туапсе, рыбзавод, ликеро-водочный завод и завод «Судомеханик», производящий маломерные рыболовецкие суденышки. Анапа, завод «Пластик»

и винодельческий «Джемете». Лабинск, завод по производству сахара и лакокрасочный завод. Армавир, в первую очередь это АЗРИ – Армавирский завод резиновых изделий, электромеханический завод и завод тяжелого машиностроения, как дополнение мясоперерабатывающий завод и кондитерская фабрика. Тимашевск, кирпичный завод. Горячий ключ, лесокомбинат и фабрика по производству бумаги.

Разумеется, в свой файл я вносил только то, что работает, то, что смогло дожить до наших дней или было восстановлено, а это не более тридцати процентов всех заводов и фабрик, которые существовали до прихода Черного Трехлетия. Ведь взять тот же самый Сочи, там многое имелось, но сейчас, без жителей, это совершенно безлюдный разрушенный город, в котором стоят лагерями контрабандисты и пираты мародерствуют, а таких населенных пунктов, очень и очень много.

Итак, с промышленностью закончил. Теперь, к другой составляющей экономического процветания нашей Конфедерации. Конечно же, это агропромышленный комплекс. И до развала, наш край был ведущим в этом направлении, а сейчас, мне думается, мы полностью вне конкуренции.

Начну с растениеводства, и здесь есть практически все: зерновые культуры, рис, соя, сахарная свекла, виноград, картофель, масличные культуры, овощи, плоды, цитрусовые и чай. То есть, с голоду мы не помираем, а еще и продовольствием приторговываем, по крайней мере, начинаем. Далее, животноводство. Опять же, молоко, яйца и мясо, все свое и имеется в достатке. После этого, рыбная отрасль, куда входят не только добыча рыбы на Черном море, той же самой белуги, осетра, севрюги, сельди, рыбца и шемайки, но и промысел на зарыбленных прудах.

Вот, вроде бы все что знал, учел и записал, и теперь переход к ресурсам. Здесь нас боги тоже не обделили. Имеются большие запасы цементного сырья, гипсового и известкового камня, строительного камня, песчано-гравийных материалов и кирпично-черепичных глин. Со строительством норма. Далее, полезные ископаемые, залегающие в основном в предгорных районах. Это нефть, природный газ, мергель, йодобромные воды, мрамор, известняк, песчаник, гравий, кварцевый песок, железные и апатитовые руды, а так же, что немаловажно, каменная соль. Со всем остальным, водными и лесными ресурсами, тоже, полнейший порядок.

Закрыв текстовой файл, вывел карту с обозначениями и надписями поверх старых. Мощь, по нынешним временам, круче нас в округе и нет никого. Все есть, но промышленность, ресурсы и продукция, это сейчас далеко не самое важное. Главное, это люди, населяющие державу, вот чем мы действительно сильны. Два миллиона жителей, такого количества граждан, нет ни у кого, и только Новоисламский Халифат нас обгоняет, но здесь никак нельзя равнять здоровых и крепких людей, сидящих на одном месте и больных голодных южан, бегущих от радиации. Так что, пусть не количественно, но качественно, мы их превосходим, и поэтому, знаю точно, что вскоре войне с ними придет конец.

Опять же армия, которая у нас регулярная. В первую очередь, конечно же, четыре гвардейские бригады, общей численностью в девять тысяч воинов. После них идут Войска Быстрого Реагирования, еще десять тысяч бойцов. За ними ударные подразделения госбезопасности, полтысячи штыков, и в конце, территориальные войска МВД, семнадцать тысяч слабых в военном отношении солдат, ранее подчинявшихся региональным лидерам, и только полтора года как перешедшие в ведение органов правопорядка. Все вместе эти рода войск мощная сила способная на очень многое, и прекрасно дополняющие друг друга.

Свернув карту, перешел к другому файлу, который для меня был еще более важен, чем предыдущий. Это была роспись по всем самым влиятельным семьям нашего государства, по тем, кто реально правил Конфедерацией. В конце концов, одно из направлений, которым я хочу заняться по выходу в отставку, это торговля, а здесь, по сути, мои конкуренты, про которых мне надо знать уже сейчас, и чем больше, тем лучше.

Во главе списка, клан Симаковых, потомственных правителей Приморо-Азовского региона, владельцы всего производства и хозяйств в городе Ейск. Сам президент Кубанской Конфедерации и его четыре сына. До недавнего времени сыновей было пятеро, но старший, Гена, надежд отца не оправдал, сдал вверенный ему Кавказский корпус врагу, и бежал в Грузию, где и сгинул под ножом нашего камрада Исмаила Ахмедова. По идее, Симаковы могли бы все под себя подмять, но надо отдать должное разуму главы семейства, хорошо понимавшего, что это лишняя кровь, и соблюдавшего равновесие в делах политики и бизнеса. Что сказать, повезло нам с лидером, и будь на его месте какая-нибудь сволочь, давно бы в гражданскую войну скатились.

Следом за Симаковыми, вторыми по богатству и влиятельности, идут купцы Беловы из Славянска на Кубани. Три брата и две сестры. Очень умные люди,

владеющие птицефабриками и занимающиеся животноводством. Кроме того, под ними половина торговли в Конфедерации. Третий клан, оружейники Семеновы, владельцы КОФ. Четвертое по влиянию семейство, Ильские, оставшиеся у власти в Туапсе, младшая ветка клана, не пожелавшая сбегать заграницу после аннексии своей республики, владеют вино-водочным заводом и имеют долю в заводе «Судомеханик». Пятый по силе и деньгам, одиночка, молодой мэр Кропоткина Жирков, хозяин экспериментального машиностроительного завода, производящего химию, и главный акционер АО «ПищеПром», которое выпускает армейские сухпайки. Шестая и седьмая семьи находятся в Новороссийске. Это Крапивины, владельцы радиозавода «Прибой», и Туманяны, хозяева сталелитейного «НоворосМеталла». Восьмой клан, два брата Бариновых из Анапы, один руководит городом, второй управляет семейным бизнесом, заводом «Пластик». На девятом месте моего списка, значился купец Драгунов из Армавира, про которого было известно очень и очень мало, и мне оставалось судить о нем только по факту. Старик Драгунов некогда был третьим президентом Конфедерации, владел АЗРИ и Армавирским электромеханическим заводом, а значит, бедным быть никак не мог.

Что же, основные фигуранты известны. Кроме них в Конфедерации есть еще много других богатых и солидных людей, но эти девять семейств, самые-самые. Такие вот расклады, и чтобы пробиться наверх, мне в любом случае придется с кем-то из них дружить и конфликтовать. Однако это все потом, не через месяцы, а через годы, и сейчас, сразу после окончания контракта, я должен получить свои деньги у Еременко, и отправиться в турецкий город Трабзон, где, как я надеюсь, меня все еще ждет девушка Марьяна, дочь моего врага, и мать моего сына.

– Мечник, – передо мной стоял Сметана, – темнеет, пора костер разжигать и на столы накрывать.

– Давай, действуйте, – отключив ноутбук, убрал его в РД, и направился на выход. Не люблю проводы и празднества, но людей требуется уважить, и отходная должна быть по высшему разряду.

Глава 2

Кубанская Конфедерация. Краснодар.

21.11.2061

В небольшом и уютном ресторанчике с забавным названием «Шляпник» стояла тишина. С одной стороны это странно, поскольку заведение находится в самом центре столицы и в нем всегда много посетителей, а с другой, вполне нормально. Стоит только выглянуть в выходящее на улицу окно и посмотреть на здание, серой громадой возвышающееся напротив, и куда ты попал, становится понятно сразу. Здесь посторонних нет, поскольку массивное серое здание это штаб-квартира СБ Конфедерации, самой страшной и ужасной конторы в государстве. Так что, посетители в «Шляпнике» все как на подбор, тихие и спокойные, платят исправно и не буянят. Все вокруг свои, служащие госбезопасности, выпендриваться не перед кем, и сам ресторанчик является подведомственным заведением знаменитого Серого Дома.

Хорошее местечко, и если с кем-то необходимо переговорить по душам, лучше этого ресторанчика во всей столице не найти. Надо взять на заметку, думаю, что пригодится.

Ко мне подошел молодой и строгий официант, с необычными тонкими усиками под носом, и как каменная статуя застыл рядышком.

– Молодой человек желает что-то заказать? – он учтиво склонил голову, но в его голосе мне послышался сарказм.

Видимо, этот паренек решил, что я очередной искатель счастья только вчера выбравшийся из лесов и еще не понимающий, куда он зашел. Что сказать, так думать он имеет полное право, поскольку узоров на мне нет, и на спине не написано, что крепкий блондинистый парень слегка за двадцать лет, в брезентовой горке, куртке и стоптанных берцах, герой Конфедерации, получивший Кубанский Крест за номером четырнадцать из рук самого президента. Хм, ничего, значит, врастаю в гражданку, и это хорошо, что во мне военного сразу не разглядеть.

– Любезный, принеси мне чайку, и бутербродов с колбаской, – я отвернулся от официанта, и с показным безразличием стал рассматривать в окно «логово

серых кардиналов».

Лицо официанта, отражение которого я мог видеть в стекле, по-видимому, сильно оскорбленного таким моим пренебрежительным отношением к его любимой конторе, еле заметно скривилось, и он сказал:

– Это здание СБ Конфедерации, молодой человек.

– Угу, – только и промычал я. – Чаю и бутербродов, любезный, живей.

Официант умчался на кухню, а я продолжал ожидать полковника Еременко, моего бывшего комбата, который сейчас пристроился на работу в здании напротив. Именно в этом заведении, мы договорились с ним сегодня встретиться во время его обеденного перерыва.

Третий день я нахожусь в столице, живу в гостинице, присматриваюсь к городу и прикидываю, что делать с деньгами и акциями, полученными от полковника. Деньги, понятно, частью лежат в банке, а частью у Егора Черносвита в поселке Гвардейский. С ними проблемы нет, эти суммы будут растрачены на мой дом, куда я свою будущую жену приведу, и на обзаведение хозяйством, а вот с акциями работать непривычно, хотя, что это такое, понятие имею.

Самая большая доля у меня в фабрике «Черносвит». Это тот самый заводик, который производит противопехотные мины МОН-50 и ОЗМ-72, а с недавнего времени, еще и сигнальные ракеты выпускать стал. Моя доля в этом бизнесе была пять процентов и всего за пару лет, акции, которыми я владел в этом предприятии, по рыночной стоимости удвоились в цене. То есть, вкладывал я пятьсот золотых, а сейчас, если бы захотел эти акции продать, получил за них более тысячи. Что ни говори, а наш бывший комбат мужик башковитый, и этого у него не отнять, знал точно, что будет спросом пользоваться, и не прогадал.

Остальные акции относились к Краснодарской Оружейной Фабрике, судостроительному заводу «Залив», заводу Воровского, заводу «Прибой» и Лабинскому заводу по производству сахара. Все вместе, мои ценные бумаги тянули почти на пятнадцать тысяч «конфов», сумма более чем приличная и такой старт, какой есть у меня, не у всякого нашего доморощенного олигарха имеется. Теперь предстояло решить, продавать все эти бумаги, или же положить в ГосБанк и жить на дивиденды. Прикинув, что к чему, решил, что

торопиться с продажей акций смысла нет и полгодика можно спокойно обождать. Ценные бумаги в цене только растут, продать их я всегда успею, а основные траты мной планируются только на весну.

– Предъявите свои документы, – услышал я позади себя, и разглядел в стекле отражение пожилого полицейского лейтенанта из столичного батальона ППС.

«Вот же, халдей, стукач поганый, наверняка решил бдительность проявить, и вызвал наряд, – подумал я про официанта. – Ну, ладно, шпион недоделанный, ты делаешь свою работу, а мне бояться нечего».

Неспешно развернувшись к полицейскому, я небрежным движением распахнул курточку. Сначала он увидел висящий у меня в наплечной кобуре ТТ-33, мое личное оружие ни разу не подводившее своего хозяина и, было, схватился за свой табельный «наган», но следом разглядел на груди черный крестик с мечами, вытянулся и сказал:

– Извиняйте, ошибочка вышла.

– Ничего, – ответил я, чуть склонил подбородок и, повернувшись к стойке, из-за которой на меня смотрел официант, молча поманил его указательным пальцем правой руки.

– Да-да, – он угодливо склонился возле столика.

– Где мой заказ, морда?

– Не извольте беспокоиться, сей момент, будет, – он покосился на мой Кубанский Крест.

– Фамилия и звание?

Мой голос звучал глухо и угрожающе, и хотя сотрудник СБ имел полное право не открывать свою личность, лже-официант, почуявший командные интонации, растерялся, встал по стойке «смирно» и привычно доложился:

– Агент-стажер СБ Бельцов.

– Давно здесь?

– Третий день, это мое первое назначение.

– В следующий раз будь внимательней, но в принципе, поступил верно, что полицейского вызвал для проверки. Видок у меня не столичный и внушающий подозрения, что есть, то есть, а рядом здание солидной конторы. Свободен, и чай принеси.

В этот момент появился тот, кого я ждал, прихрамывающий на левую ногу сорокалетний здоровяк в сером френче с погонами полковника.

– Проблемы? – он посмотрел на меня и кивнул на Бельцова.

– Нет, все ровно.

Стажер, проходящий практику в «Шляпнике», моментально исчез за барной стойкой. Еременко пожал мне руку, поздоровался и присел напротив, а я, наконец-то получил свой чай и бутерброды.

– Ну, что, Саня, осваиваешься в столице?

– Деваться некуда, осваиваюсь. Как считаешь, командир, что лучше, в Краснодаре осесть или все же в Гвардейском?

– Хочешь спокойствия, двигай в поселок, а если собрался серьезными делами заниматься и есть желание по социальной лестнице наверх вскарабкаться, тогда в столице. Между прочим, рядом со мной особнячок хороший продается, и не дорого просят, всего четыреста монет. Хозяину деньги срочно нужны и он торопится, хотя реально, этот дом под семь сотен стоит.

– Подумаю, – кинул я.

– Думай быстрее, а то дом уйдет, а мне лучше, если в соседях свой человек будет, – он повернулся к барной стойке и, повысив голос, обратился к одному из местных служащих: – Петя, коньячку мне полста и лимончик.

Полковника обслужили, а я, кивнув на питье, спросил:

– Не рановато ли, ведь только середина рабочего дня?

– Мне можно, я теперь работник умственного труда, а коньячок в малых дозах стимулирует мозг, – полковник одним махом влил в себя янтарную жидкость и, закусив лимончиком, сказал: – Ладно, Саня, понимаю, что не просто так ты повидаться хотел. Говори, что от меня требуется?

– Мне в Трабзон надо, Иваныч. Чем, скорее, тем лучше. Оформи в вашей конторе бумагу хорошую и красивую, чтоб меня через линию фронта пропустили. Я то и сам пройду, но это потеря времени, и назад не один возвращаться буду, надо чтоб армейская разведка меня поддержала и возможные хвосты обрубила.

– С Трабзоном сейчас перемирие Саня. Может быть, подождешь, пока все утрясется?

– Нет, – покачал я головой, – и так времени много потерял, больше года ждал, а теперь, надо поторопиться.

– Подругу вытянуть хочешь?

– Да, ее и ребенка своего.

– Так куда торопишься, ведь сам же говорил, что не любишь ее?

– Верно, но любовь отдельно, а уважение и глубокая симпатия к этой женщине, тоже отдельно. Не знаю, как это объяснить, Иваныч. Мне с ней рядом хорошо было, спокойно и это тот редкий случай, когда ты всегда рад человеку, смотришь на него, и сердце радуется, что он с тобой рядом. Тоскую я по этим ощущениям. Опять же ребенок у нас есть, и опять же, как радио вещает, положение у Кары в Трабзоне нестабильное. Мэр тамошний с нами мира захотел, и может по наемнику ударить, а в таких делах его семью задеть могут. Да и чисто по деловому, если рассуждать, то чем быстрей эту тему разгребу, тем быстрей смогу заняться другими своими делами. Выручай, Иваныч.

– А чего к Захарову и Стахову не обратишься?

– Слишком они хитрые, втянут в блудняк свой шпионский, а потом из этой ямы не вылезешь. С тобой надежней, ты все же человек без двойного дна и я тебе верю.

Полковник достал свой портсигар, вынул длинную турецкую папироску, не спеша, закурил, с полминуты помолчал и, наконец, изрек свое решение:

– Сделаем. Через три дня в Трабзон «Цезарь Куников» с «Ладным» идут, посольство повезут, и наше начальство сейчас как раз решает кого от СБ отправить. Я пробегусь к генералу и сам в посольство набьюсь, а ты со мной как секретарь и порученец отправишься. Считай, что повезло тебе, Саня.

– Благодарю, Иваныч. С меня причитается.

– Забудь, я помню, кто меня из последнего боя на себе вытянул. Завтра в полдень будь с вещами возле моего дома.

– Понял.

Еременко закурил новую папироску, и поинтересовался:

– Какие планы, во что думаешь свою молодую энергию вкладывать?

Я кивнул на чашку с чаем, стоящую на столе:

– Планов много, командир, но как из Трабзона вернусь и житье свое налажу, сразу же этим займусь.

– Чай? – удивился полковник.

– Он самый.

– А ну-ка, объясни. Интересно, что ты задумал.

Ухмыльнувшись, я заказал еще чашку чая и начал излагать Еременко свою идею:

– Итак, в историю вдаваться не буду, Иваныч, это нам не очень интересно, а вот реалии сегодняшнего дня, затронуть придется. Чай, это такой товар, который русскими царями в свое время был признан стратегическим ресурсом. На территории нашей Конфедерации, единственное место, где он сейчас выращивается, это Новороссийск, и то, что дают тамошние хозяйства, это только пятнадцать процентов от того, что нам требуется, так что пока рынок свободен и не занят.

– И что? Ты хочешь войти в долю к кому-то из приморских купцов?

– Нет, хочу возродить старые производства в Адлерском и Верхнехостинском совхозах. Наши морпехи местность в районе Сочи в этом году окончательно зачистят, и к весне, если с турками будет подписан мир, оттянутся к Адлеру. Пока, тамошние земли никому не нужны, все же пограничье, а я, раз, и вклинюсь. Затраты на первое время будут небольшими, около девяти тысяч золотых, но если денег будет больше, то и результат будет лучше. Со временем, если все сложится неплохо, конкурентов с рынка вытесню, а чуть позже и подомну их под себя. Сейчас, оптовая цена на чай, один золотой «конф» за килограмм, а два совхоза, которые я подниму, уже через три года смогут дать пятьдесят тонн продукции.

– Пятьдесят тысяч монет!? – Еременко был искренне удивлен.

– Чуть меньше, но каждый год доход будет составлять от десяти до пятнадцати тысяч золотых «конфов». Я думаю, что рынок насытится, и цена несколько упадет.

– Ты считаешь, что по качеству сможешь сравниться с теми сортами, что есть сейчас?

– Запросто, и знаешь почему? – полковник вопросительно кивнул и я продолжил: – Потому что мой чай будет Краснодарским.

– Не понял?

– Объясняю. Почему люди пьют чай? По той простой причине, что он имеет теин, чайный кофеин, а наш чай, ранее выращиваемый в Краснодарском крае, это самый северный чай в мире, и не знаю почему, в нем самый высокий процент

этого бодрящего вещества. Такой концентрации кофеина даже кофе не содержит. Не даром, еще в Советское время, именно Краснодарский сорт чая среди каторжан, заключенных и работников умственного труда, считался самым лучшим, так как был самым крепким, а производился он именно в районе Адлера, Верхней Хосты и Дагомыса. Более нигде и ничего подобного этому сорту, вырастить не удалось, и тот сорт, что выращивают под Новороссийском сейчас, всего только жалкий заменитель настоящего чая.

– А рабочих где возьмешь, а технологию производства, а семена или саженцы?

– Рабочих найду, не проблема. По лагерям беженцев проедусь, там нормальных и трудолюбивых людей хватает. С технологией тоже все в норме, там нет ничего сверхъестественного, и высокотехнологического оборудования не требуется. Все просто, и на каждый процесс имеется подробное описание: посадка, выращивание, сбор, завяливание, скручивание, ферментация, сушка и сортировка. Единственная проблема это сами чайные кусты и семена, но и здесь есть несколько хороших вариантов. Пока это только план на весну, еще предстоит в те края съездить, землю у государства откупить, и подобрать себе хорошую команду из серьезных людей, желательно из отставников нашей бригады. Сам я это дело, конечно же, не потяну, да и ограничиваться только чаем желания нет никакого.

– В торговле себя попробовать хочешь?

– Точно так, командир. Хочу снарядить конный обоз и пройтись с дальней разведкой в сторону Московской области, на Украину или Ставрополье. Разумеется, все это делать при полной поддержке СБ, с которым я, как честный гражданин и патриот, готов сотрудничать. Опять же, все эти движения хочу через тебя провернуть. Ты как Иваныч, окажешь содействие?

– Ну, почему бы и не помочь, – Еременко посмотрел на часы. – Если у тебя с проводкой торгового каравана в дальние земли все выгорит, то и у меня по службе дела лучше пойдут. Баш на баш, как говорится, и это меня устраивает. Тебе поддержка и зеленый свет на границах, а нам информация и контакты в других населенных людьми анклавах. Все по честному.

– Значит, предварительно договорились.

– Договорились, – полковник встал, оглядел меня и произнес: – Хорошо с тобой Саня, оптимизмом от тебя заражаюсь, но мне пора, дел еще много сегодня. У тебя, кстати, одежда гражданская есть, чтоб в посольстве как человек выглядеть, а не как бродяга лесной?

– А чем эта плохая? – я тоже встал.

– Не тот фасон, – усмехнулся Еременко. – Ты ведь за женщиной едешь, а значит должен выглядеть с иголочки, модно и стильно. Держи, – он сунул мне в руку визитку, – через пару кварталов по улице, магазин «Анастасия», самый лучший в столице. Приоденься и денег не жалей. Бывай, Мечник, до завтра.

Полковник вышел из ресторанчика и направился в Серый Дом, а я, расплатившись за чай и бутерброды, направился по указанному моим бывшим командиром адресу. В самом деле, имидж надо менять, по крайней мере, на время своего нахождения в столице. Можно прикупить пальто хорошее, ботинки и пиджачную пару, думаю, что для начала этого хватит.

Магазин и по совместительству ателье «Анастасия», располагался в трехэтажном доме, как и говорил полковник, всего в двух кварталах от штаб-квартиры СБ. Войдя внутрь этого здания, я как-то растерялся. Все вокруг было чужим и непривычным, и складывалось впечатление, что я попал в совершенно другой мир. Вокруг зеркала, кажущиеся нескончаемыми ряды одежды, чистота, и приятные запахи парфюма. Да, уж, сразу чувствуешь себя неотесанным деревенским чурбаком, попавшим в цивилизацию. Несколько минут я бродил по залу, и хотел уже покинуть сей магазин, найти что-то попроще, но ко мне на выручку бросились два местных продавца-консультанта, миловидная девчушка лет семнадцати, и пожилой мужчина в каком-то странном фраке, насколько я понял, униформе магазина. Они тут же окружили меня заботой и вниманием, и впервые в жизни, я понял, что такое хороший и ненавязчивый сервис.

Спустя всего час, отягощенный несколькими большими пакетами с одеждой, половина которой мне и даром была не нужна, я покинул магазин, и огляделся. «Вот это сходил прикупить пиджачок, – подумал я, – восемнадцать золотых монет испарились, как и не было их никогда, а шмотья на все случаи жизни набрал. Екарный бабай, и куда все это теперь тянуть, не в гостиницу же, в самом деле?»

Однако решение нашлось быстро, подозвал извозчика, загрузился в коляску и направился покупать себе жилье. Особнячок, по словам Еременко, выставленный на продажу, находился неподалеку от центра, на Кубанской набережной, прямо возле реки. Место это, как я слышал, считалось в кругах новой знати нашего государства, очень престижным, и вся набережная реки была уставлена новостройками, как правило, окруженными высокими заборами, двух и трехэтажными домами.

Нужный мне особняк нашелся быстро, поскольку только возле него стоял большой деревянный щит с надписью «Срочно продается!». Выгрузившись возле больших и солидных ворот, приказал извозчику ждать, а сам направился внутрь. Во дворе встретил полноватого мужчину с красным и пропитым лицом, который бесцельно шатался по двору с зажатой в ладошке полупустой бутылкой пива и что-то напевал себе под нос.

– Здорово, мужик, – обратился я к нему. – Где бы мне хозяина дома найти?

– А зачем? – склонив голову набок, выпивоха с подозрением разглядывал меня.

– Дом хочу купить.

– Шутишь? – усмехнулся он.

– Нет, на полном серьезе.

– А деньги есть?

– Имеются, – приоткрыв полу куртки, продемонстрировал ему продолговатый кошель, набитый монетами.

– Тогда я хозяин дома, – сказал он, и представился: – Зубков Ярослав Петрович, некогда совладелец завода «Нефтемаш».

– Александр Мечников, начинающий купец и акционер нескольких предприятий.

Знакомство состоялось, и Зубков повел меня по своему особняку. Итак, что же такое жилье богатого человека в столице Кубанской Конфедерации. В первую

очередь это окруженный трехметровым забором подъездной двор, в котором я и встретился с хозяином этого строения, большой и просторный, засыпанный утрамбованным гравием и местами даже заасфальтированный. От него, окружая построенный не более пяти лет назад большой трехэтажный кирпичный дом, идут две широкие дорожки. Одна упирается в конюшню на десять лошадей и гараж на два легковых автомобиля, а другая во флигель прислуги, за которым находится хоздвор.

Таким этот особняк был снаружи, и основное, на что стоило посмотреть, находилось внутри здания. Первый этаж: большая столовая, кухня, гостиная и, что мне понравилось, небольшая библиотека, в основном с технической литературой. Второй этаж: два рабочих кабинета, три спальни, детская комната и тренажерный зал. Третий этаж был нежилым, и состоял из восьми пустых помещений. Большой плюс ко всему увиденному, электричество, подведенное к дому, три ванные комнаты и небольшой тир в подвале. Таков особняк бывшего совладельца предприятия «Нефтемаш», который только два дня назад, банально проиграл все свое немалое состояние в карты.

– Ну, что, как тебе, понравился особняк? – заглядывая мне в глаза, с надеждой спросил хозяин дома.

– Особняк понравился, но есть пара вопросов.

– Задавай, – Зубков одним глотком допил пиво, и поставил пустую бутылку на пол.

– Дом, хорош, но он выставлен на продажу два дня назад, а покупателей до сих пор нет. В чем причина?

– Осень, – только и пожал плечами Зубков, – все богатые люди в своих поместьях и в районах, и только к Новому Году в город съедутся. Так бы я за него полную тысячу взял, но долг отдавать уже завтра надо, а потому и тороплюсь.

– Хорошо, теперь другой вопрос. Что с прислугой, мебелью и книгами в библиотеке.

– Все имущество вместе с домом продается и даже прислуга, захочешь, выгонишь их на улицу, а нет, так пусть дальше работают по дому.

– Прислуга, что за люди?

– Семья из донских беженцев, кажется из Сальска или Зернограда, не запомню никак. Люди неплохие и честные, служат у меня уже не первый год, а насчет зарплаты сам сговорись.

– Идет, покупаю.

Договор скрепили рукопожатием, а спустя всего полчаса и официальными подписями под документом о купле-продаже частной собственности дома номер восемь по Кубанской набережной. Пока так суетился, наступила ночь, я ходил по дому, который уже стал моим, и выбирал себе место под рабочий кабинет. В итоге, так и не определившись какой из двух мне нравится больше, вошел в первый попавшийся, и засел за написание писем.

Завтра в составе нашего посольства я отбываю в Трабзон, а значит, многое надо сделать прямо сейчас, дабы не тратить время попусту. У меня есть адреса более чем сотни людей, с которыми я пересекался по службе за прошедшие пять лет, и кто-то из них, наверняка, не нашел себя в гражданской жизни, но в то же самое время, и на службу государеву возвращаться не желает. Может быть, найдется кто-то, кто пожелает встать под мое начало. Кроме того, надо написать главе Совета Старейшин Горского Содружества алиму Гойгову, а то был разговор, что у него самые лучшие чайные плантации на территории Алании и Дагестана, глядишь, а и поможет мне по старой памяти с саженцами и семенами.

Глава 3

Вольный город Трабзон.

29.11.2061

Подрабатывая винтами и поднимая со дна гавани ил, муть и грязь, Большой Десантный Корабль Черноморского Флота Кубанской Конфедерации «Цезарь

Куников» подходил к причалу, на котором суетились местные швартовые команды, и стоял караул из солдат городского гарнизона. Я находился на палубе рядом с полковником Еременко и смотрел на город, в котором прожил несколько достаточно неплохих месяцев своей жизни.

На первый взгляд, здесь все было по-прежнему, но все же, что-то было не так, и в первую очередь стоило обратить внимание на встревоженные лица представителей Трабзонского Мэра, которые встречали наше посольство. Некоторых из них я знал, и не раз присутствовал при их встречах с Карой, самым лучшим наемным командиром на всем Черноморском побережье. Обычно, эти люди излучали прямо таки непробиваемое спокойствие и самодовольство, и сейчас, когда они нет-нет, да и оглядывались вокруг, они напоминали не городских властителей, а паршивых шакалов, пойманных на месте преступления.

И ладно, отставим в сторону странное поведение этих местных олигархов, и посмотрим на город. А ну-ка, что это за черные дымы на окраине богатого и счастливого Трабзона? Не иначе как что-то в бедняцком районе Бозтепе горит, и это странно, так как именно там расположены лагеря наемников и их тренировочные центры. Принюхавшись, в рассветном прохладном ветерке я ясно различил запахи гари, пороха, взрывчатки, крови и страха. Эти ароматы мне знакомы очень хорошо, так пахнет война. Возможно, мне это только кажется, но, скорее всего, то, что я учуял, не бред, не домыслы и не фантазия, а самая настоящая реальность.

– Командир, – обратился я к полковнику, – по-моему, в городе что-то неладное творится. Местные власти по радио что-то передавали?

– Саня, я здесь только консультант, мне никто и ничего не докладывает, – покачал он головой.

– Пойду я переоденусь, и оружие возьму.

– Давай, Мечник.

Быстро смотавшись в каюту, я скинул с себя свой наряд, который приготовил для торжественного дипломатического приема, костюм, кашемировое пальто, белый шарф и туфли, и переоделся в свою самую обычную одежду: свитер, горку, на

голову шапочку, на ноги берцы, а поверх всего этого разгрузку с боекомплектом. Когда я подбежал к корабельному арсеналу, чтобы получить АКС, временно расписанный на меня на время похода, здесь уже толпились морпехи второй боевой смены. Так-то морских пехотинцев на борту целый батальон и они разбиты на три боевые смены, по морским понятиям вахты, и одна рота уже находится в боеготовности. Однако и вторую смену на усиление поднимают, значит, на то есть основания и причины. Видимо, про то, что в городе не все хорошо, подумал не только я, но и командир десантной партии БДК, майор Скоков.

Бойцы, выстроившиеся в очередь, меня узнали, все же рядом с Еременко неоднократно видели, да и так, среди них знакомцы нашлись, с которыми вместе в Севастополе высаживались, так что пропустили вне очереди и, получив автомат, я выбежал на палубу. С БДК уже спускали трап, а корабельные лебедки набивали швартовые концы и плотней прижимали борт «Цезаря Куникова» к кранцам причала. Вот, все смолкло, трап опущен, официальные лица в ожидании, и на берег, сразу же после пятерки личных телохранителей, спускается молодой симпатичный парень, мой ровесник. Это третий сын президента Симакова и наследник его трона, Илья. Как говорят, очень продуманный по жизни человек, подкованный в политике, экономике и управлении государством. Не знаю, так ли это, но хочется верить, что слухи правдивы, поскольку именно он станет следующим правителем Конфедерации, а жить под властью тупореза и самодура, никакого кайфа нет.

Впрочем, сейчас не об этом. Илья спустился вниз, официальные лица, судя по их слащавым улыбкам, заверили друг друга в своих самых лучших чувствах, и к трапу подлетели несколько автомашин. Впереди всей этой автоколонны, знаменитый черный лимузин городского Мэра. Видимо, наш главный посол был уверен, что опасности нет и, взяв с собой только телохранителей и нескольких советников, отправился во дворец к Осману Гюнешу, местному царю и богу. Вместе с делегацией отбыл и полковник Еременко, а я, прикинув, что и как, сошел на берег и, приподняв раскрытую ладонь, поздоровался с местными солдатиками, стоящими неподалеку:

– Мерхаба, аскеры!

– Мерхаба, русь! – радостно ответили они.

Вот, поражаюсь этому городу, и туркам в частности, в повседневной жизни все делают с улыбкой. Пытаются всучить тебе залежалый товар на рынке и улыбаются, чем-то интересуются, и опять улыбка на губах, а когда собираются тебе кинжал в спину воткнуть, так такое счастье излучают, что можно подумать, этим тебе одолжение делают. Что интересно, это не лицемерие или хитрость, а стереотип поведения, ну, я так думаю. Еще что хорошо, если их больше десяти, то среди них обязательно найдется кто-то, кто мало-мало говорить по-русски, по крайней мере, в приморских городах дело обстоит именно так. И есть еще один момент, который мне всегда в местных жителях нравился, они не в меру болтливы, только спрашивай, и тебе расскажут все военные тайны, все слухи и все новости. Вот только про экономику и торговлю речь заводить не надо, сразу же упираешься в глухую стену непонимания и вызываешь подозрения, а в остальном же, только успевай спрашивать.

– Кто меня понимает? – я оглядел семерых стражей местного правопорядка.

– Да-да, я говорить, – вперед выдвинулся смуглый как уголь, горбоносый мужик, судя по погонам, юстчавуш, что значит старший сержант. – У меня лавка на рынке есть, много торговать, много говорить. Что ты хочешь узнать, русь?

Указав рукой на дымы, поднимающиеся на окраине города, спросил его:

– Это Кара натворил?

– Нет, – помотал тот головой, – это наши, хотели, чтобы Кара ушел, а он не уходил, и тогда туггенерал Ибрагим Гюнеш, брат Мэра, приказал открыть огонь по лагерям наемников из орудий.

– Неужели победили? – мое удивление было искренним.

– Не знаю, говорят, что Кара со своими воинами на Хайрат отступил, и теперь собирает всех своих башибузуков в кулак, чтоб атаковать Трабзон.

– А что с семьей его?

Юстчавуш ничего не ответил, и только плечами пожал. Понятно, это не его уровень. Жаль, придется искать другого информатора. Где живет купец Мурад,

я знаю, и теперь остается только до темноты дотянуть, а там выбраться в город и переговорить с главным шпионом нашего государства в этом городе. Ненавижу ожидания, но ничего, время сейчас осеннее, и темнеет рано, так что ждать остается не так уж и долго. Мой план по проникновению в город был прост. Требовалось взять у корабельного боцмана термогидрокостюм, со стороны морского борта спуститься в воду и, проплыв пару километров, высадиться в одном из многочисленных укромных мест на берегу, благо, развалин там хватает. Потом, обходя жилые городские кварталы выйти к монументу Ататюрка, где располагались дома местных богатых купцов, навестить подполковника Мурадянца и получить у него более конкретную информацию по всем происходящим в городе событиям.

Еще некоторое время, пообщавшись с болтливым сержантом, и узнав у него все городские новости и расценки на самые разные товары, поднялся на борт, и в этот момент на причал вернулась автоколонна с нашими дипломатами. Первый раунд переговоров, ознакомительный, был окончен, и продолжение намечалось на вечер. Дождавшись, пока Еременко освободится и пройдет в нашу совместную каюту, проследовал за ним и спросил:

– Иваныч, как все прошло?

– Для первого раза неплохо, встретились, поздоровались, вручили верительные грамоты и к противной стороне присмотрелись. В общем, нормально.

– Что насчет Кары и его семьи?

– Буров в Хайрате закрепился, с ним полторы тысячи самых отпетых головорезов, и сейчас он от границы с Грузией остальные свои подразделения подтягивает. Однако думаю, горожане с наемниками драться не будут. Мэр слишком умный человек, и только из-за несдержанности его младшего брата, местные войска лагерь наемников обстреляли. В городе тревожно и усиленные патрули ходят, но в целом все вполне нормально. Есть некая нервозность среди местных жителей, а так, все тихо. Как чиновники говорят, даже рынок работает в прежнем режиме, а это показатель.

– А семья, Иваныч, что с семьей Бурова? – поторопил я полковника.

– Что с женами и детьми не ясно, но говорят, что где-то в городе прячутся. Местные спецслужбы их ищут, но пока найти не могут. Сам понимаешь, если семья Кары будет у них, то им с наемниками договориться проще будет. Я с Ильей Симаковым твой вопрос по дороге обсудил. Он приказал найти семью Бурова и если его домочадцам грозит опасность, то вытащить их из города.

– А ему это зачем?

– Ха, – усмехнулся Еременко, – сам подумай. Чем больше у местных властей проблем, тем лучше для нас пройдут переговоры. Одно дело, если бы наемники уже были разбиты, и ситуация урегулирована, а совсем другой вопрос, когда они неподалеку от города лагерем стоят. В общем, Мечник, это дело поручается тебе. Ищи семью Бурова, а там сам решишь, как лучше поступить. Если они в безопасности, оставь все, как есть, а если их положение не стабильно, то помоги из города выбраться.

– Ну, что, тогда я ночью в город рвану, Мурада навещу?

– А чего не днем? – усмехнулся полковник. – До вечера еще далеко, а после первой встречи с местными властями, нашим бойцам разрешен выход в город. Морпехи, понятно, они на службе, их не более чем по пять человек на пару часов выпускать будут, а ты человек вольный, можешь передвигаться спокойно.

– Нормалек, – только и ответил я. – Значит, могу прямо сейчас на поиски отправляться?

– Не торопись, ты данные по турецкой армии в свой ноут загружал, как я просил?

– Так точно, – армейский ответ вырвался по привычке, – и не только по армии, но и по городу, и по ресурсам, и по доходам. Там все что нужно.

– Отлично, тогда на мой ноутбук все данные скопируй, и можешь в город двигать.

– Уже сделано, – улыбнулся я, – еще в первый день похода все перекинул, и значки папок специально для тебя на рабочий стол вывел. Однако, командир, ты

его включаешь редко, а потому и не заметил.

– Что поделаешь, – полковник пожал плечами, – никак не привыкну к этому технологическому чуду.

– Иваныч, а чего конкретно по турецкой армии надо?

– Мы, когда в Старую Крепость ездили, где сейчас резиденция Османа Гюнеша, танки видели и пару САУ. Видимо, их на показ выставили, чтобы нам пыль в глаза пустить, а Илья Симаков хочет знать, откуда они.

– Это я и так скажу, все-таки разведку здесь по заданию СБ вел. Вся бронетехника, что у местного правительства есть, досталась городу в наследство от Девятого армейского корпуса, который в Эрзеруме стоял. Всего в корпус входило шесть механизированных бригад, четыре пехотных и одна танковая. Разумеется, это без частей усиления, жандармерии, спецназа, ВМС и ВВС, базирующихся на границе с Арменией и Грузией. В хаос почти все похерилось, но кое-что и до наших дней дотянуло.

– И сколько у турок этого военного наследия?

– Так я ведь докладывал в СБ? Неужели вам никакой аналитической записки перед поездкой не предоставили?

– Какой там, – махнул рукой полковник. – Все эти переговоры были задуманы в администрации президента, и мы, СБ, обо всем узнали только за несколько часов до того, как мы с тобой в «Шляпнике» встретились. Какие уж тут аналитические записки, собрался, и в путь, а на месте разгребешь, что к чему. Может быть, поехал бы кто-то другой, кто в местных делах разбирается лучше, но добровольцев кроме меня не было. Так что, Саня, мои функции в этом посольстве чисто номинальны, числюсь советником, а на деле, просто наблюдатель, – Еременко присел к небольшому столику, и спросил: – Так сколько у них такой техники?

Почесав затылок, постарался вспомнить точно, что мне было известно по численности механизированных войск находящихся в распоряжении Гюнеша.

– На данный момент Мэр имеет пять танков Леопард 2А4, в рабочем состоянии только два. Кроме них семь штук американских М60А1 и два израильских М60-Т «Sabra», на ходу только три единицы. Это что касается танков. С БТРами и БМП получше, есть 15 ACV-300 на базе М113, 10 «Akrep», 12 БТР-60ПБ и три БТР-80. Почти все на ходу, но, сколько конкретно, не знаю, местные этого и сами никогда точно не скажут. Теперь, по САУ, имеется пять штук, две на ходу, и ни одна не стреляет, боеприпасов нет. По крайней мере, в то время пока я здесь находился, не было. Может быть, что-то у халифатцев за продукты выменяли, но вряд ли.

– Что с артиллерией?

Три десятка полевых орудий и около сотни минометов.

– А где все эти войска базируются?

– Частью в Старой Крепости, вроде как гвардейцы, охраняют Мэра и его близких родственников, а остальные подразделения в западной части города, в районе Святой Софии, и по побережью вдоль моря.

– Что же, все ясно, подробней в ноуте посмотрю, – ответил полковник. – Теперь можешь в город выдвигаться. Идеи есть, где семью Бурова искать?

– Имеются, – ответил я и сказал: – Мне помощь нужна будет.

– Что конкретно?

– За забором порта есть девятый причал, разрушенный. Утром там должна стоять шлюпка и пара автоматчиков в прикрытие. Если мое дело выгорит, то через проходную на борт корабля мне будет сложно попасть.

– Сделаем, – кивнул полковник, и я покинул каюту.

Сдав автомат, который мне сегодня так и не пригодился, не переодеваясь в парадную гражданку, направился в город Трабзон.

Задача поставлена простая, и предельно ясная – найти прячущихся в городе людей, и если им что-то угрожает, обеспечить их безопасную эвакуацию из города. Что я должен сделать? Перво-наперво, учитывая то обстоятельство, что за мной будет хвост из местных сыскарей, не привлекая внимания, пройтись по магазинчикам и городскому базару. Во время этих передвижений я должен переговорить с самыми разными людьми, от некоторых из них получить информацию и уже по темноте оторваться от хвоста. После чего, пойти по адресам, где могут находиться люди, которых я ищу.

Со стороны это все выглядит сложно, а на деле, надо быть самим собой, не бояться и спокойно делать то, что ты задумал. Допустим, узнают меня, и что с того, все равно тронуть не посмеют, слишком серьезно к миру с Конфедерацией относится Гюнеш. Будет хвост из топтунов местной СБ, но это ожидаемо. После меня на берег сойдут несколько групп морских пехотинцев из десантной партии «Цезаря Куникова», и часть сыскарей должна за ними присматривать. Потом в город двинется дипломатическая миссия, и опять нужны люди. Да ко всему этому, кто-то ведет поиски самой семьи Бурова. Людей у местных безопасников немного, а значит, что более двух человек за мной не пойдет, да и то, скорее всего, к ночи останется только один.

Пройдя через КПП порта, и получив небольшую пластиковую фишку с выдавленным на ней якорем, это вроде пропуска, и записав в журнал свое личное оружие, ТТ-33 за номером 000140, я вышел в город. Как и ожидалось, от самой проходной ко мне пристроились бродяги, два неприметных человечка в потрепанной одежонке. Нормально, суетиться не стоит, так и должно быть.

Неспешно двигаясь по кривым узким улицам вверх от порта, направился на городской базар, место, в котором можно было бродить сутки напролет, и купить практически все, что только в голову твою взбредет. Улочка за улочкой, вверх и вправо, и вот, передо мной сердце города Трабзона. Прохаживаюсь по рынку, прицениваюсь к товарам, и возле прилавков, где сидят знакомые мне купцы, останавливаюсь особо. Миновал угол ткачей, прошел через фруктовые ряды, узнал почем нынче чай в городе, поцокал языком на большую цену, и спустя час, вышел к помостам с рабами. Теперь пройти через площадь, и можно будет с оружейником Мурадом пообщаться.

Вспомнился Тенгиз-грузин, и захотелось пошалить, скинуть на него подозрение в сотрудничестве с СБ Конфедерации, а то ишь, расслабился мурлокотан, славянами торгует и чувствует себя хорошо. По большому счету, болгары,

которых он на помост регулярно выставлял, мне и даром не нужны, а вот за других, тех же украинцев, и тех людей, которых крымчаки поставляли, зло я на него затаил. Сейчас, ясно, мне не до него. Однако Земля круглая, и где тебе может враг повстречаться, попробуй, угадай.

Пухлый черноусый человек в кепке-аэродроме, как всегда, был на своем месте. «Интересно, – мелькнула у меня мысль, – если он стоит на этом месте уже лет десять, то, сколько людей через его помост прошли. Если даже грубо по десять человек в день подсчитать, то получится более тридцати пяти тысяч голов. Ого! Население одного хорошего города».

Тенгиз узнал меня сразу, но если раньше он бросался ко мне навстречу, то сейчас, купец резко отвернулся и сделал вид, что не замечает меня. Ну, это понятно, слухи о том, что я оказался шпионом Конфедерации, разнеслись по всем уважаемым людям города, а Тенгиз был именно из таких, из уважаемых.

– Тенгиз, дорогой, – я приблизился к нему, и когда он обернулся на мой радостный вскрик, крепко обнял его за плечи, и сделал вид, что что-то нашептываю ему на ухо. Секунд двадцать продолжалось это действо, торгаш опомнился, и вырвался из моих рук. Краем глаза я подметил, что шпионы, исправно следующие за мной, все происходящее засекли, и теперь, как я думаю, к Тенгизу будет особое внимание.

– Саша? – он в недоумении уставился на меня. – Как ты здесь оказался?

– Проездом, Тенгиз, – ответил я и оглядел помост с товаром. – Гляжу, у тебя все без изменений? – кивок на три десятка людей, выстроенных в ряд.

– Да, все по-прежнему, – нехотя кивнул купец, не желающий продолжать разговор.

– Ну, ладно, прощай, Тенгиз.

– И тебе, всего хорошего, Саша.

Дело сделано, внимание топтунов немного рассеял, и за полтора часа хождений по рынку, посетил не менее двадцати прилавков. Наступил ранний осенний

вечер, а значит пора переходить к основному вопросу, навестить нашего агента, перекинуться с ним парой слов, и начинать поиск.

В оружейном квартале все как всегда, лавки и пара магазинчиков, многие уже закрываются, но у Мурада открыто, и я, вхожу внутрь. Здесь пусто, под потолком горят две керосиновые лампы, и в помещении только продавцы, сам дядюшка и его брат. Покупателей и посетителей нет, а это наилучший вариант.

Увидев меня, подполковник, пожилой и крепкий мужик, лицом чем-то похожий на хищную птицу, недоуменно приподнял бровь, а я, не теряя времени, перешел к сути моего задания:

– Здравствуй дядюшка Мурад, начальство велело найти семью Бурова, так что не обессудь, что к тебе заявился. За мной хвост, два рядовых шпика, но пару минут они возле входа отираться будут, так что давай сразу по делу переговорим.

Старый шпион, стоящий вполоборота, моргнул, щелкнул пальцами и обратился к своему брату:

– На выход, посмотри, что и как, – Борис направился к двери, а Мурад повернулся ко мне: – Рад, что ты жив и здоров, Саша, и хорошо, что зашел. Я бы и сам все что знаю по рации передал, но местные контрразведчики радиопеленгатор смастерили, и теперь приходится в район выбираться, чтоб сведения в СБ перекинуть. Однако сейчас за городом Кара со своими бойцами сидит, а на дорогах блокпосты и усиленные патрули, не пройти.

– Так что насчет Буровых?

– Где дом Ивана Василиади, знаешь?

– Контрабандиста?

– Его самого.

– Да, недалеко от порта в районе разрушенного городского университета.

– Все правильно, семейство Буровых у него. Вместе с ними у Василиади два бойца из близких к Каре людей, и сам хозяин.

– Понял, благодарю. Однако это проверенная информация или только догадки?

– Сведения точные. Мы всю вчерашнюю ночь возле дома Кары дежурили, и видели, как Василиади женщин с собой уводил. Почти до самого его дома, их проводили.

Только мы закончили наш разговор, как внутрь вошел один из сыскарей, а следом за ним Борис. Надо было попрощаться с Мурадом, и желательно так, чтоб внимания шпиона не привлечь. На прилавке лежали распечатанные коробки патронов калибра 7.62 мм и, не долго думая, я с силой ударил по дереву и они, подпрыгнув, раскатились по полу.

– Что за херня, – разнесся по помещению мой крик, – такую цену за какую-то голимую девяносто вторую «Беретту» ломишь, как будто она у тебя из золота сделана. Не буду у тебя ничего покупать.

– Цена как цена, – принимая мою игру, огрызнулся Мурад, – не нравится, вали к себе за море, там и покупай.

– Пошел ты, – я направился на выход.

– Сам пошел, – донеслось мне вслед.

Выйдя на базарную площадь, я на показ сплюнул на крыльцо оружейной лавки, помянул «жадного старого козла», и вышел в город. С рынка мне надо было направиться налево, в сторону домов построенных вокруг университета, но я двинулся направо, к Старой крепости. Шел недолго, места эти я знал неплохо, и подходящее для засады на топтуна место, было совсем рядом. Кстати, он остался один, а второго, наверное, как я предполагал, отозвали на другой объект.

На город опустилась ночь, узкий сквозной проулок в трех кварталах от базара, людей ночами здесь не бывает, так что, осталось только отоварить местного контрразведчика и двигаться по своим делам. Нырнув со слабоосвещенной

улицы в темный проход, притаился в нише, незаметной снаружи и, стараясь не шевелиться, застыл на месте. Тишина, но почти сразу она нарушается торопливыми шагами. Идет один человек, он спешит, на секунду замирает, всматривается в темноту, но ничего различить не может. Я чувствую его сомнение и неуверенность, он колеблется, и думает, не обойти ли ему это место, но ближайший переход на параллельную улочку, куда я по идее свернул, находится метрах в ста пятидесяти, это далековато, и топтун, все же решившись, входит в переулок. Он быстрым шагом проходит мимо выбоины в стене, где я затаился, и все что мне остается, это нанести ему один мощный удар по голове. Второй раз прикладывать кулак к черепу сыскаря, не потребовалось, вырубил я его хорошо и с гарантией, так что, затащив тело в нишу, огляделся, проверился на наличие еще одного хвоста, и направился в сторону городского университета.

Возле небольшого каменного домика, где проживал один из лучших Трабзонских контрабандистов Иван Василиади, я был через час. Вроде бы и недалеко идти, но надо было обходить патрули и избегать людных мест. Так что пришлось двигаться в нужном мне направлении не по улицам и проспектам, а чигирями, развалинами и проходными дворами. Ну да ничего, того, кто прошел Нальчик, развалинами не испугать, и местные руины по сравнению с теми, что на Кавказе остались, это полигон для начинающих и игровая площадка для детей.

Итак, домик контрабандиста, небольшое такое, не более трех комнатушек, здание из дикого камня, стоящее посреди небольшого фруктового сада и окруженное невысоким каменным заборчиком. В узких окошках, более напоминающих бойницы, темно и ни одного лучика света. Самое обычное жилище местного старожила, но, это только если не знать, что под домом существует выстроенный еще дедом нынешнего хозяина просторный бункер, где и находятся родственники Кары. К счастью для меня, я это знал, в свое время Буров мне верил, и многим под хорошее настроение делился.

Собак во дворе не было, у хозяина на них имелась стойкая аллергия, и я смог спокойно пройти во двор. Обогнув здание, зашел с тыльной стороны, и остановился возле подвала. Вытащил из наплечной кобуры свой пистолет, патрон уже в стволе, и остается только снять его с предохранителя. Я готов, вот только как в подвал проникнуть, а потом из него в бункер, вот вопрос. Ладно, бог не выдаст, свинья не съест, охрана сразу стрелять не будет, и можно в открытую сыграть. Черт с ним, рискну шкурой и тех, кто под землей засел, попробую уболтать на мирный исход нашей встречи.

– Тук-тук-тук, – ствол пистолета выбил на железной двери частую и звонкую дробь. Тишина, никто не отзывается. – Тук-тук-тук, – спустя полминуты я снова обозначаю свое присутствие.

После второго стука пошло движение. В доме что-то загрохотало, наверное, это был контрабандист, выползающий из подвала по второму отнорку.

– Кто там? – послышался в одно из окошек ворчливый голос самого хозяина дома, который изъяснялся только по-русски.

– Я от Кары, открывай, – произнес я.

– Пароль, – потребовал он.

– Какой, нах, пароль. Меня Кара прислал узнать, все ли с его семьей в порядке.

– Что-то никак не пойму, кто ты такой есть, – ответил контрабандист, – хотя голос вроде знакомый. Эх, старость не в радость. Жди, сейчас впущу тебя.

Дверь в подвал открылась через пару минут, Василиади пропустил меня внутрь, и я направился вниз. Здесь горела только одна тусклая масляная лампада, и в ее свете я различил двоих мужчин, которые стояли возле стен. В их руках были автоматические винтовки, что-то вроде М-16, и стволы были направлены на меня.

– Спокойно, мужики, – я положил ТТ на бочку лежащую у входа, и сделал большой шаг вперед – свои.

– Ты кто? – спросил один.

– Саня Мечников. Слыхал про такого?

– Предатель?

– Сам ты предатель, морда наемная. На улице взвод морских пехотинцев моей команды ждет, так что давайте миром разбежимся. Я никому не хочу причинить зла, переговорю с женами Кары и его дочерью, заберу свое и уйду по-тихому.

– А если мы тебя пристрелим?

– Подвал закидают гранатами.

– Иван, – к стоящему за моей спиной контрабандисту обратился наемник, задающий мне вопросы, – ты зачем его пустил?

– А что, – ответил старик, – пусть бы он и дальше по железу стучал, всю округу собирал? Нам шум и внимание патрулей сейчас совсем не нужны.

– И что с ним будем делать? – говорливый наемник расслабился и опустил ствол автоматической винтовки, а второй, видя такое его дурацкое поведение, наоборот, напрягся и сделал шаг назад. «Молодец, – подметил я, – теперь, даже если я одного вырублю, второй меня все равно достанет. Ничего, подождем, и если миром дела не решим, то придется к активным действиям переходить».

– Впускаем его в бункер, а там разберемся, – решил Василиади.

Наемники отодвинули в сторону бочки, стоящие у противоположной от входа стены, открылась дверь, и меня провели в бункер старого контрабандиста. Здесь было просторно и свежо, никакой духоты или спертости. Видимо вытяжка была сделана на совесть и с выдумкой. В центре горел небольшой очаг, на котором грелась какая-то кастрюлька с водой, а в соседнем помещении захныкал маленький ребенок. Сердце мое захолонуло, было, дернулся туда, где ребенок плакал, но меня остановил голос Василиади, взявшего мой пистолет:

– Не балуй, парень.

– Ладно, – я присел возле очага, который совсем не давал дыма, и поправил кастрюлю, которая покосилась на висящем крюке и вода, уже закипающая в ней, была готова вот-вот пролиться в огонь.

Старый морской волк, седой, массивный, и чем-то напоминающий пиратов с книжных картинок, присел на табурет напротив меня, и спросил:

– Так чего ты хочешь, Мечников?

– Хм, я ясно сказал, поговорить с женами Кары и Марьяной. Потом, заберу свою женщину и ребенка, а вас оставлю в покое. Если через полчаса я не покину твой дом, то сюда войдут морпехи с «Цезаря Куникова» и ничем хорошим ваше затворничество не кончится.

Василиади задумался, и в это время, дверь, ведущая в соседнюю комнатушку, открылась и появилась она, Марьяна, мать моего сына. За то время что мы с ней не виделись, она сильно изменилась внешне и, на мой взгляд, в лучшую сторону. Ранее, это была стройная брюнетка с хорошими формами, красивая девушка, а теперь передо мной была женщина, еще более красивая, строгая и в чем-то неприступная.

– Саша, – прошептала она и прислонилась к дверному косяку.

Я встал, наемники и старик меня не останавливали и, подойдя к Марьяне вплотную, обнял ее и прижал к себе.

– Все хорошо, милая, – погладил ее по голове и добавил: – Я приехал за тобой, собирай вещи и ребенка готовь.

– Хорошо, – она направилась в помещение, из которого вышла, а вместо нее появились жены Бурова, блондинка Светлана и мать Марьяны, тетка Ирина.

Что было дальше, вспоминать не люблю, сопли, слезы, упреки будущей тещи, которая оставалась здесь в ожидании своего мужа, и мои угрозы наемникам и старику. С горем пополам, разрулил всю эту чепуху, и спустя полчаса, неся на руках своего сына, имени которого я так до сих пор и не знал, в сопровождении будущей супруги, покинул это место и направился в сторону девятого причала. Все, что я хотел сделать в этом городе, было сделано, причем, без стрельбы, убийств, насилия и по обоюдному согласию сторон. Хорошо бы, если бы так случалось всегда, но, к сожалению, такое в жизни редкость, а потому, подобные моменты стоит ценить особо.

Глава 4

Кубанская Конфедерация. Краснодар.

15.02.2062

Пробуждение мое было хорошим и добрым. Мара, лежащая со мной рядом, сонно пошевелилась, а я, повернувшись к ней и, вспомнив прошедшую ночь, улыбнулся. Нырнув рукой под одеяло, погладил мою вторую половину по оголенной спине. Она проснулась, и я сказал:

– Доброе утро, милая, пора вставать.

Мара потянулась всем своим грациозным телом, одарила меня ответной улыбкой и произнесла:

– Как это хорошо, просыпаться вот так, рядом с любимым человеком.

Я поцеловал ее в губы и, прижавшись к ней, обнял. В этот момент, вне всякого сомнения, я был счастлив. У меня жена, которая искренне любит такого неспокойного парня как я, есть сын, находящийся под присмотром няньки в соседней комнате, дом, в котором тепло и сытно, и много хороших перспектив на будущее.

– Сколько сейчас времени? – спросила Мара.

– Около восьми утра.

– Пора Игоря кормить, – сказала она и, высвободившись из моих объятий, встала и, накинув халат, направилась в детскую комнату.

Что же, мне тоже пора вставать, дел сегодня просто огромнейшее количество, и надо постараться успеть везде. На календаре пятнадцатое февраля, и именно с этого дня ожидается сбор людей, которым перед отбытием в Трабзон я рассылал письма. Кто из них отзовется, я не знал, но надеялся, что до конца месяца соберу хотя бы десяток верных и лично мне знакомых людей, которые всегда будут рядом, и смогут оказать мне поддержку в делах моего бизнеса.

Еще вчера в городской администрации, я юридически оформил свою торговую компанию, а назвал ее просто и незатейливо «Мечников и сын», по моему вполне нормально, в духе сегодняшних времен, и если мне подфартит, то я стану родоначальником и основателем военно-купеческой династии. Надо сказать, что оформить компанию было легко, практически так же просто, как зарегистрировать брак с моей второй половиной. Пришел, написал заявление, его тут же рассмотрела комиссия из трех чиновников, заплатил небольшую пошлину, и получай в паспорт штамп. Как все же хорошо, что у нас в Конфедерации еще нет серьезной бюрократии. Ладно, посмотрим, что из всего этого выйдет, а пока, подъем.

Откинув в сторону одеяло, одним рывком соскочил на пол, и провел серию резких ударов в сторону стены, пару минут поскакал, поработал, размял тело и окончательно проснулся. После чего, поход в ванную комнату, и одевание. У себя в доме я стараюсь не изображать барина, хожу так, как привык и как мне удобно, хлопчатобумажная майка, обычная мягкая роба из фланели и тапочки. Вот и все, купец Мечников, в недавнем прошлом сержант гвардии, готов встретить еще один день своей жизни во всеоружии. Так и хочется сказать, что и жизнь хороша, и жить хорошо.

Прикоснувшись рукой к трубам парового отопления, идущим по всему дому, удостоверился, что они горячие, и это значит, что мой работник, дядька Михайло, беженец с Дона, уже на ногах, и в котельной полный порядок. Мне то что, я могу и в холоде выспаться нормально, а вот мой сын, радостно гукающий в своей кроватке, тот нет, ему тепло подавай.

Спускаюсь вниз, и меня встречает второй человек из домашних, это Марина Ильинишна, пятидесятилетняя и полная женщина, жена Михаила, кухарка и горничная. Вскоре планирую еще пару человек для работ по дому нанять, а то все же везде ей не успеть, и даже, несмотря на то, что ей помогает нянька, а иногда и сама Марьяна, больше чем в половине помещений, до сих пор пыль стоит. Так что останется со временем за ней только кухня, а всеми остальными домашними заботами займутся другие люди. Образ жизни я планирую вести активный, а значит, придется соответствовать, быть хлебосольным хозяином и всегда держать в готовности пару гостевых комнат.

– Хозяин, – окликает меня Ильинишна, – возле ворот люди стоят, говорят, что к вам.

– Много людей?

– Трое.

– А давно стоят?

– Минут двадцать, – пожимает она плечами. – Михайло, как в котельной справился, так к ним и вышел.

– А чего сразу не пустил?

– Да, кто же их знает, кто они такие, может быть злодеи или враги ваши. Парни как на подбор, здоровые, и при оружии, да и у прежнего хозяина такой порядок был заведен, без него никого в дом не впускать, хоть знакомый, а будь добр, подожди на улице.

– В общем-то, правильно. Скажи мужу, пусть в дом их приглашает, а ты на стол накрывай.

Ну, вот, видимо, начали прибывать мои гости. Сегодня должны были три бойца из Первой роты появиться, Ветер большой знаток чая, Разлука потомственный караванщик, да Калуга, хороший радист и отличный счетовод. Все они были друзьями, держались дружно, и контракт у них заканчивался в один день. С ними у меня еще во время нашей совместной службы, разговоры задушевные были, и их согласие на совместную работу, я от всех получил. Однако с нашей крайней встречи прошло уже полгода, за это время могло произойти очень многое, и могло так сложиться, что мое предложение для них теперь не актуально. Впрочем, боевые товарищи стоят у ворот, а значит, слова мои они запомнили и на письмо откликнулись.

Вскоре в дом вошли те, кого я и ожидал, Ветер, Разлука и Калуга, крепкие и здоровые мужчины лет под двадцать пять в потертых армейских бушлатах. Камрады явно не ожидали от меня таких метаморфоз за то время, что мы с ними не виделись, и я их понимал. Совсем недавно они были знакомы с обычным пробивным сержантом из своего батальона, а сегодня их встречает хозяин солидного особняка, который расположен в самом престижном районе столицы. Все трое в нерешительности остановились на входе и разглядывали внутреннюю обстановку дома, доставшуюся мне от прежнего владельца.

Дабы разрядить эту неловкую ситуацию, направился к ним на встречу.

– Здорово, братва, – громко сказал я и крепко пожал каждому из них руку. – Проходите к столу, позавтракаем вместе.

Бывшие гвардейцы, видя, что богатством я не кичусь, расслабились и почувствовали себя свободней. Спустя всего пару минут, мы уже сидели в большой столовой, где Ильинишна накрыла на стол, уплетали за обе щеки блины с медом, и запивали все это крепким чаем. Пока ели, разговора не было, и мне оставалось только наблюдать за моими будущими помощниками, которые выглядели несколько потрепанно и, если судить по их аппетиту, не ели уже пару дней. Думается мне, что гражданская жизнь им на пользу не пошла.

Блины закончились быстро, друзья сыто откинулись на спинки стульев, а я спросил:

– Рассказывайте, как жизнь гражданская.

За всех ответил Калуга, вожак в этой дружной тройке:

– Хреново, Мечник. Как за ворота базы вышли, так и понеслась несуразица сплошная. Поначалу деньги были, а в голове планов много хороших имелось, да загуляли чуток, на три месяца. Оттягивались хорошо, а когда в норму пришли, то в карманах уже ветер свистел. Начали работу искать, да что-то все время не клеилось. На завод идти не интересно, в хозяйство сельское, тем более, и все что мы умеем, воевать и в других людей стрелять. Так два месяца промыкались, и в Тимашевске у меня на родине осели. Думали, что опять надо на контракт уходить, а тут как раз твое письмо пришло. Вот и решили, сначала тебя навестить, а уже потом и определяться.

– Так и что, совсем ничего себе по душе не нашли? Мы с вами, помнится, разговор вели, и у каждого какая-то специальность была, чтоб в жизни гражданской пристроиться.

– Нет, Мечник, ничего хорошего так и не приметили, или кого-то одного из нас берут, или платят сущие гроши. На госпредприятиях оплата труда не более одного золотого в месяц, а частники, как увидят в документах штамп

гвардейской бригады, так и разговаривать не хотят. Сам понимаешь, гвардию, которая за Симакова горой стоит, они не шибко жалуют, – Калуга огляделся и спросил: – А у тебя как так получилось, что в собственном особняке живешь?

– Женился удачно, – этой темы я касаться не хотел. Какими бы мы с ними близкими камрадами не были, а знать про клад, что под Ростовом из подвала извлекли, им не надо.

– Хм, – Калуга мне не поверил, но и на другом объяснении настаивать не стал, и задал основной вопрос, ради которого, собственно, вся троица и прибыла в Краснодар: – Так что насчет работы, Мечник? Есть что предложить боевым товарищам?

– Есть, – подтвердил я. – У меня теперь своя торговая компания, хочу сам приподняться и наших, кто на чужого дядю за еду работать не хочет, подтянуть. Разговор этот у нас и раньше был, а теперь, он из пустого базара, в дело превращается. Вы готовы ко мне в помощники пойти?

– Смотря, что делать, – протянул Калуга и посмотрел на своих друзей. – Объясни сначала, а там и решим.

– Компания будет заточена на два направления. Первое, это выращивание чая в районе Сочи и Адлера, а второе, торговля с дальними землями. Поэтому, вас с самого начала и вызвал. Ветер будет заниматься работой на плантациях, руководить производством, набирать рабочих и следить за порядком. Разлука остается со мной, и мы вместе начнем караван снаряжать, а на тебе, Калуга, обеспечение нас всех связью и бухгалтерия.

– Что по оплате?

– Для начала по пять золотых в месяц, а там, как дела пойдут, – друзья переглянулись, а я добавил: – Вы не торопитесь, подумайте. Сейчас вы с дороги, вас в гостевой комнате поселят, отдыхайте, а вечером соберемся, посидим в узком кругу, и тогда уже ответ дадите.

– Хорошо, мы подумаем, – кивнул мой будущий финансист, – только хочется узнать, ты понимаешь, сколько ты должен потратить денег на обустройство плантаций и на караван?

– Понимаю, и деньги есть. Правда, не только мои.

– Акционерное общество?

– Пока нет, частный вкладчик, который дает мне беспроцентный кредит на два года.

– И кто этот добрый гражданин?

– Наш бывший комбат, – улыбнулся я, – полковник Еременко.

– Он здесь, в столице?

– И не просто в столице, он мой сосед, и вечером будет у меня в гостях, так что парни, поле боя новое, а бойцы с нашей стороны, те же самые.

– Раз такое дело, то мы и думать не будем. Принимаем твое предложение, Мечник.

– Значит, договорились, и письменно все завтра с утра оформим.

– Что так официально?

– А это, камрад, чтоб сомнений не было, и всяких недоразумений. Вам так спокойней будет, да и мне для порядка и отчетности бумаги пригодятся. Прямо сейчас, какие-то вопросы есть?

Я ожидал, что разговор продолжит Калуга, но, на мое удивление, первый вопрос по существу, задал молчаливый Ветер, потомственный крестьянин из хозяйства купца Марьина, именно там производился наибольший объем чая, поставляемого на рынки Конфедерации:

– Вот ты говоришь, чай, Мечник, и это тема неплохая. Ладно, рабочих мы найдем, это понятно, но нужно оформить на себя землю и необходимо оборудование для работы, тут мешком, секатором и лопатой не обойтись. Кроме того, нужны помещения, где чай сушить, жилые бараки для людей и хоть какая-то дорога,

чтобы вывести продукцию и привезти на плантацию что-то необходимое. Как со всем этим дело обстоит?

– Здесь все нормально, Ветер, не беспокойся. Про задумку с плантациями, кроме нас четверых и Еременко, пока никто не в курсе, и землю, которая была под тамошними совхозами, я уже под себя подмял. Мне ее в аренду на тридцать лет без всякой оплаты отдали, так как пограничье, и она все равно пустует. Оборудование, какое потребуется, на заводе «Нефтемаш» закажешь, но я прикидывал, что кроме ручных роллеров, измельчающих листья при ферментации, и прессов, больше ничего серьезного не нужно. Что касаемо помещений, то при наличии денег, стройматериалов и рабочей силы, это не проблема. Самая главная загвоздка, дороги, но правительство хочет реанимировать старые транспортные магистрали, и то, что мы делаем, задел на будущее. Что касается припасов, то их можно баржами из Новороссийска доставлять, а после, этими же баржами продукцию на большую землю отправлять. Предварительный расчет сделан, и производство должно быть вполне рентабельным.

Подумав, Ветер кивнул головой:

– Согласен, попробовать стоит.

Следующим, вопрос задал Разлука:

– Когда собираешься караван в путь отправлять?

– В начале лета.

– Как далеко пойдем?

– Это не я определяю, а Еременко. Он основные расходы несет, он же и музыку заказывает. Сейчас есть три направления, на Воронеж, на Волгоград и на Украину. Наша задача дойти конным обозом туда, куда еще ни один наш купец не добирался, и открыть новый торговый маршрут. От тебя, как человека понимающего, что значит дальний переход с груженными бричками, в первую очередь лошади и сами повозки. Это то, что нужно готовить уже сейчас, с остальным разберемся чуть позже. Повторяю, это главное. Наш обоз с грузом должен пройти тысячу километров по бездорожью и вернуться обратно в

Конфедерацию. Ты как, Разлука, потянешь?

– Потяну, – будущий караван-баши был уверен в том, что говорил, а судя по тому, как его глазки заблестели, можно было сказать, что он предстоящей работой еще и доволен.

– Отлично, – я посмотрел на лидера тройки и спросил: – У тебя как, есть вопросы?

– Нет, – покачал тот головой, – все предельно ясно и понятно. На Сочи телефонную линию восстанавливают, там все просто, а в караван, единственное, что можно придумать, это на заводе «Прибой» новенькую радиостанцию Р-147 «Багульник» купить.

– А по финансам?

– Мечник, это разговор отдельный и только между нами двумя.

Нормально, таким подходом к делу я был доволен, а потому, только понимающе кивнул в сторону Калуги, и встал.

– Ну, парни, рад, что вы со мной. Идите до вечера отдыхайте, а после ужина, как я и говорил, посидим и более подробно все обсудим.

Дружная тройка отставников отправилась в гостевую комнату, а я, навестив своего малыша, который, увидев меня, весело загукал, и предупредив жену о людях, временно остановившихся в нашем доме, переоделся и направился в город.

Мой путь лежал в Серый Дом, где меня ожидал мой патрон и покровитель полковник Еременко. Пока на извозчике добирался до центра, размышлял о местных политических раскладах, которые оказались гораздо сложней, чем я себе представлял еще несколько месяцев назад. Вроде бы все ясно, есть правительство, и все ему подчиняются. Однако и в самом правительстве, несмотря на диктатуру, нет единства, и всех тех, кто правит нашей Конфедерацией, можно разделить на несколько групп. Первая, конечно же, это клан Симаковых, который стоит у руля и принимает основные политические и

экономические решения. Все остальные группки, как я их сам для себя обозначил, партии, их поддерживают, но при этом, стараются и своего не упустить. Всего таких партий я насчитал шесть: экономисты-государственники, технологи, купцы, демократы-народники, военные и госбезопасность. Во главе каждой партии стоял негласный лидер, которого выдвинула его среда, и он, вольно или нет, а направлял все движение тех, кто его поддерживал.

Вот и получается, что каждый человек в нашем обществе не сам по себе. Взять хотя бы меня как пример. Ранее я был гвардейцем, и находился вне всяческих партий, так как наши бригады подчинялись только президенту. Сейчас я начинающий купец, по идее должен ратовать за облегчение налогового бремени, и стоять за партию собратьев по ремеслу, но мне на них плевать. У меня свой интерес, и СБ в моих делах может помочь гораздо больше, чем кто бы то ни было во всей Конфедерации. Значит, я стою за госбезопасность и серьезные купцы, на зиму съехавшиеся в город, уже делали при встрече прозрачные намеки, что не той дорогой я пошел. Ха, остается только посмеяться над ними.

Когда-то давно, пять лет назад, я принял решение держаться за майора Еременко, который собирался карабкаться вверх по служебной лестнице. Прошли годы, и решение мое осталось неизменным. Как и пять лет назад, я иду за своим командиром, который тихой сапой, вливая в экономику свои деньги и расширяя связи в высших эшелонах власти, день ото дня становится все влиятельней, а следовательно сильней. Он, как и каждый человек, стремящийся наверх, идет на вершину не один. Полковник тянет за собой своих верных людей, и я из их числа. Интересно получается, как строй клином, Еременко на острие удара, позади него его брат Денис, так же, вышедший в отставку, несколько верных пробивных сержантов, вроде Филина, и я. Лидер вскарабкался на ступеньку, за ним мы, а после нас уже наша креатура. Блин, забавно выходит, прям дедка за репку, бабка за дедку, внучка и т. д.

– Приехали, – повернулся ко мне извозчик, остановивший свою коляску возле ресторанчика «Шляпник».

За размышлениями время поездки пролетело быстро и, рассчитавшись за проезд, я прямиком направился в Серый Дом. Временный пропуск на меня был выписан и уже через пару минут я находился в кабинете Еременко.

– Саня, привет, – полковник сидел за своим рабочим столом в компании двух капитанов СБ, которые расположились справа и слева от него и увлеченно рассматривали какие-то бумаги, – проходи присаживайся.

Нормально, раз приглашают, значит, я здесь не лишний. Немного напрягают офицеры СБ, но видимо, так и надо. Пройдя к столу, присел и выжидательно посмотрел на полковника, который мне сам на сегодняшний день встречу назначил.

– Как у тебя насчет каравана дела продвигаются? – спросил Еременко.

– С завтрашнего дня начинаю суету. Прибыли первые помощники, и среди них Разлука, который в этом деле соображает хорошо.

– Помню его, – удовлетворительный кивок тяжелым подбородком. – Кто еще появился?

– Ветер и Калуга. Кстати, мы вас вечером ожидаем в гости.

– Обязательно зайду, – полковник посмотрел на офицеров, которые бросили свои бумажки, и с любопытством разглядывали меня. – Знакомься Александр, это твои будущие попутчики.

Первым представился тот, что справа, средних лет ничем не приметный подслеповатый мужик, на котором серый мундир СБ топорщился и выглядел несколько нелепо:

– Капитан Гуров, Иван Семеныч.

Следом отозвался второй, тот, что слева, молодой, не старше тридцати лет, мощный боец, что-то, а это я почуял сразу:

– Капитан Астахов, можно по-простому, Андрей.

– Александр Мечников, – представился я в ответ, и обратился к полковнику: – Куда караван пойдет, уже определились?

– Да, – полковник вытащил из стола папку со штампом ДСП и положил передо мной. – Вы должны будете отправиться в Харьков. Что повезете и как пойдете решаешь только ты, а группы капитана Гурова и Астахова при тебе как поддержка и пассажиры.

– Две группы? – удивился я.

– Пока две. Одна научно-исследовательская, а другая силовая.

Оглядев своих будущих попутчиков, кивнул:

– Понял.

– Тогда приступаем к работе. Документы из здания не выносить, и на время подготовки к походу, совещания проводить только в этом кабинете, – все присутствующие дружно с полковником согласились, а он продолжил: – Итак, цель вашего путешествия город Харьков. Что нам известно о положении дел в тех местах? Не очень то и много. Шесть лет назад на связь с нашим радиоцентром в Краснодаре выходила местная радиостанция. Было проведено несколько сеансов связи, но потом Харьковский радиоцентр резко замолчал и после этого, мы могли довольствоваться только слухами. В папках, которые я вам раздал, подборка документов по самому городу, области, дорогам и, как приложение, стенограммы радиопереговоров. Если кратко, то положение дел у них плохое. Город был поделен на несколько частей, и там жировали мародеры, которые вели между собой постоянную войну. В области, ситуация получше, существовало около трех десятков поселений, которые выживали за счет сельского хозяйства и кустарного производства, благо, заводов и мастеровых людей до прихода чумы там было много. Однако это все, было пять-шесть лет назад, а сейчас, если верить слухам, которые к нам приходят с переселенцами из Луганска и Донского Царства, все гораздо хуже. Четыре года назад банды объединились и начали экспансию за пределы областного центра. Сейчас они контролируют добрую треть Харьковской области и что от них можно ожидать, не ясно.

– Так если там опасно, то, может быть, направиться на Воронеж, Волгоград или вглубь Украины? – спросил я.

– В те места другие караваны пойдут, Саня, а ваш направится в Харьков. Это очень сложное направление, а вы, из всех, кто сейчас готовится в путь двинуться, самые лучшие. Надо посмотреть, что там творится, а то слухи слухами, а достоверная информация все же лучше.

«Вот, так-так, – подметил я, – не одни мы, значит, под видом торговли дальнюю разведку провести хотим».

– Допустим, а почему именно Харьков, товарищ полковник?

– Сейчас объясню.

После этих своих слов Еременко перешел к сути и основной цели нашего путешествия, в котором краеугольным камнем стало электричество. Нашему государству требовалось восстановить как можно большее количество электрических станций, и на первое место здесь вышли полуразрушенная Новочеркасская ГРЭС и неработающая Волгодонская АЭС. Президент потребовал в течении ближайших пяти лет постараться вновь ввести их в строй. На эти объекты были отправлены сводные экспертные группы инженеров и строителей, излазили там все, что только возможно, и пришли к неутешительным выводам, что сейчас, вновь ввести их в строй, не представляется возможным.

Волгодонская АЭС, это понятно, она заглушена, обветшала, находится в аварийном состоянии, оборудование разграблено и нет специалистов, которые могли бы разобраться, что там и к чему. К тому же, она находится под контролем войск царя Ивана. С Новочеркасской ГРЭС попроще, все же не мирный атом топливом служит, а самые обычные газ, уголь и мазут. Однако разруха и ее стороной не обошла, требовался серьезный ремонт, а наши предприятия, при всем своем желании, провести его не могли, для них это оказалось делом слишком сложным.

Теперь вопрос, а при чем здесь ремонт ГРЭС и город Харьков? Ответ был прост, до чумы в этом городе находилось предприятие «Турбоатом», которое выпускало оборудование и различнейшие турбины для электростанций, в том числе и для таких, какая находилась в поселке Донском, возле Новочеркасска. Именно это предприятие заинтересовало наших стратегов от промышленности, а тут такая оказия подвернулась, что Сашка Мечников собирается в поход. Вот и решила чья-то умная голова, что пускай Мечник идет не куда глаза глядят, а

туда, куда государству нужно. А чтоб караван по дороге не потерялся, будет к нему приставлена группа силовой поддержки из госбезопасности, да инженеров пять душ, дабы смогли посмотреть на завод «Турбоатом» вблизи, пройтись по нему и, может быть, найти что-то полезное. В общем, необходимо было провести разведку, но не спонтанную, наобум, как я сам себе намечал, а конкретную и с привлечением специалистов.

Что сказать, я был согласен с планами СБ полностью, и мне оставалось только продолжать намеченные мероприятия по подготовке к походу. За обсуждениями пролетел почти весь световой день, и расставался я с Гуровым и Астаховым, уже как с хорошими знакомыми, с которыми придется делать одно общее дело. Думаю, что поняли мы друг друга правильно, я веду караван, а они мои попутчики. Было бы наоборот, то мне пришлось бы не раз подумать, соглашаться ли с таким положением дел. Однако меня все устраивало и то обстоятельство, что со мной будут испытанные воины госбезопасности и несколько инженеров, минусом быть не могло никак.

Домой я прибыл в бодром настроении, плотно поужинал со своими боевыми товарищами, которые за день хорошо отоспались и привели себя в порядок, а тут, как раз и комбат в гости зашел, да не один, а со своей молодой супругой, между прочим, троюродной племянницей Симакова-старшего. Жена Еременко вместе с Марьяной отправилась наверх, а мы, впятером, продолжили пиршество и почти до самой полуночи вспоминали наше славное военное прошлое.

Глава 5

Кубанская Конфедерация.

Краснодар. 20.04.2062

Подготовка к предстоящему походу торгового обоза за границы кубанских земель, отнимала практически все свободное время без остатка. И это хорошо еще, что благодаря крыше в СБ, мне везде был зеленый свет, а то сам, я бы такое дело попросту не потянул, по крайней мере сейчас, не имея никакого

опыта и работая только на энтузиазме.

Первая же проблема, которая образовалась, это грузовые повозки. Ранее, когда я служил в гвардии и почти всегда передвигался на автотранспорте, то не задумывался о том, сколько может стоить обычная телега или хорошая тягловая лошадь, способная весь день с краткими перерывами тянуть по плохой дороге свой груз. Теперь, однако, пришлось коснуться и этой стороны нашей жизни. Что тут сделаешь, нормального автотранспорта не хватает, и это факт. На днях посмотрел статистику и был удивлен, только пять процентов перевозок по стране осуществляется автомобилями, еще пять по морю, сорок процентов тянет на себе железная дорога, а пятьдесят процентов вытягивают лошадки. Такая вот не очень веселая реальность, и с каждым годом, роль лошади в жизни нашего общества, возрастает все больше.

Итак, обычная и добротная повозка на резиновом ходу сделанная хорошим мастером за месяц, стоила три золотых «конфа», а тягловая лошадь, приученная к хомуту, еще три «конфа». Всего нам требовалось двадцать грузовых телег, на полтонны каждая, и тридцать тягловых животных. К ним в довесок два десятка верховых лошадок по пять золотых за голову. Итого получалось двести тридцать монет, и это не считая сбруи, подков, седел, походной кузницы и всякой необходимой в дороге ремонтной мелочи. Худо-бедно, а четыре сотни отстегни и забудь, что они у тебя были.

Ладно, деньги не самое важное, все окупится и Еременко спонсирует, главная проблема это дефицит грузовых телег, которые уже были заказаны другими купцами на полгода вперед. Пришлось из-за такого вопроса напрягать полковника. Тот среагировал мгновенно, и проблема была решена. Однако парочка купчиков средней руки, у которых я из под носа заказ увел, на меня зубик все же заточили. Ну, да ничего, как-нибудь переживу их недовольство, хотя заводить врагов в среде купцов, тоже не хотелось.

Прошло три недели и основа обоза, его материально-техническая часть, была подготовлена. За это же время было нанято пятнадцать возниц и по моим пригласительным письмам пришло еще двенадцать бывших гвардейцев. Так сложилась человеческая составляющая каравана, и сейчас, люди находились в поселке Пашковский, в том самом месте, где некогда формировался наш Кавказский экспедиционный корпус. В чистом поле стояли палатки, конюшня и сарай, то, что осталось после нашего отбытия в горы. Порядок поддерживался как в воинской части, караул, дневальные и дежурный. Личный состав был

постоянно занят делом, а увольнительные строго по распорядку. Народ у нас подобрался неглупый, кое-что в жизни повидавший, и все понимали, что намечается далеко не увеселительная прогулка, так что готовились основательно, и с полигона не вылазили.

Как только возник этот лагерь, так через неделю в него подтянулись воины капитана Астахова, десять отличных бойцов спецназа СБ. Вместе с ними прибыло и вооружение для личного состава, и надо сказать, что безопасники не пожадничали. В нашем обозе должно было быть сорок четыре человека, и на это количество людей, СБ выделило пять пулеметов ПК, два РПК, тридцать АКМов и десять гладкоствольных карабинов 12-го калибра. Плюс к этому всему, большое количество патронов, пара сотен ручных гранат и десять мин ОЗМ-72. Это то, что от щедрот своих нам дали власти, а уж, что мы сами понабрали, это для души. Ничего сверхъестественного, в основном личное оружие, пару снайперских винтовок и дополнительно полсотни мин с фабрики Егора Черносвита, так сказать, братский подгон боевым товарищам.

Только разобрались с транспортом, личным составом и его вооружением, как возник второй вопрос. Нам следовало определиться, каким путем двигаться на Харьков, и здесь было два варианта. Один из них морем, из Новороссийска до Таганрога, там разгрузка, и через Матвеев Курган и Снежное, выход на трассу Е40, которая шла от Ростова до Харькова. Этот путь я отверг сразу. Слишком много волокиты и возникают трудности при транспортировке, хотя был плюс, нам не требовалось проходить через Донское Царство и платить пошлины тамошним властям. Другой вариант, он же и основной, доставка лошадей и повозок железной дорогой до Батайска, разгрузка, полная и окончательная подготовка обоза, и выдвижение на Новочеркасск. После чего, через Новошахтинск выход на всю ту же трассу Е40. В этом случае, мы привлекали к себе внимание Донских таможенников и властей, но этот путь был наиболее безопасен и экономил нам время путешествия на несколько суток. Неделю определялись с дорогой, и когда решились, то вновь пришлось подключать к решению наших вопросов Еременко. Все бы ничего, но железнодорожники заломили за транспортировку имущества и лошадей такую цену, что волосы дыбом вставали. Впрочем, с СБ не спорят, и сказанные полковником Еременко слова «государственное дело», вновь решили все проблемы.

Вроде бы норма, люди есть, с транспортом решено, путь выбран, собирайся себе потихоньку, снаряжайся и отправляйся в дорогу, но нет, не тут-то было. Мы торговый караван и официально, двигаемся с чисто коммерческой целью, а

значит, необходимо то, чем мы собираемся торговать. Что ценно в местах, которые несколько одичали за времена чумы и хаоса? Вопрос простой, и ответ на него не сложный, то, что не могут произвести технологически отставшие и слабозаселенные анклавы. То есть, оружие, боеприпасы, взрывчатка, топливо, техника, лекарства, крепкое и очищенное спиртное, табак, соль и сахар.

Из двадцати наших повозок, каждая из которых, как я уже и говорил, может перевезти полтонны груза, под товар выделялось восемнадцать, то есть, надо было взять девять тонн чего-то полезного. Техника и топливо отпадали сразу, нет нормальных дорог и этот товар запрещен к вывозу. Лекарства весят немного, но они и у нас дефицит, единственное место, где их производят, небольшой полукустарный заводик в Анапе. Поэтому, все, что смогли добыть, это немного анальгина и пенициллина. Та же самая ситуация с табаком, он есть, но распределялся только через государство, и нам удалось достать всего полтысячи пачек самого дешевого курева. Следующий груз соль и сахар, и с этим товаром проблем не было. Две тонны сахара-рафинада было закуплено в Лабинске, и полтонны соли в районе Шедокского месторождения, которое совсем недавно стали разрабатывать всерьез. Цены были вполне приемлемые, и на этом можно было получить очень неплохую прибыль.

Остальное свободное пространство планировалось забить патронами 7.62 и 5.45 к автомату «калашникова», а как довесок боеприпасами к пистолету «макарова». На территории бывшей Российской Федерации и незалежной неньки Украины, это сейчас самый ходовой и дефицитный товар. Советская власть запасла много, стоит это признать, но потомки поистратили практически все, так что, оружие еще есть, а вот стрелять из него особо нечем, и доходит до того, что за пределами Конфедерации, Дона и Трабзона, патроны идут наравне с золотом как денежное средство и твердая валюта.

Итак, мне требовалась крупная партия боеприпасов. Все должно было пройти ровно и гладко, я прихожу в КОФ, и как акционер предприятия, со скидкой в пять процентов делаю оптовую закупку товара. Мне и нужно-то немного, всего шестьсот тысяч патронов. Однако когда я появился в конторе КОФа, мне отказали, и отговорились тем, что на складах пусто. Вранье чистейшей воды, так как справки о наличии необходимых мне боеприпасов я наводил заранее, и прекрасно знал, что товар имеется. В свете этого, отказ выглядел странно, но спорить я не стал и, отставив решение этой проблемы на завтра, покинул контору КОФа и вышел на улицу.

Дело к вечеру, более ничего серьезного на сегодня намечено не было, и я направился к себе домой. Все бы ничего, и этот день завершился бы как обычно, но как только я подъехал к своему особняку, ко мне подошел молодой подтянутый человек в черном полупальто и такого же цвета шляпе. Учитывая, что вокруг безлюдно, а улица хоть и освещена, но слабо, первое что я сделал, это выхватил свой ТТ и, на автомате, снимая его с предохранителя, направил ствол в голову незнакомца.

– Ты кто? – спросил я.

Человек в черном, видимо, перепугался и, моментально подняв руки вверх, дрожащим голосом произнес:

– Не стреляйте, пожалуйста, я не вор и не убийца, а доверенное лицо Анатолия Владимировича.

– Что за Анатолий Владимирович, – ствол я опускать не собирался, но, бросив взгляды влево и вправо, несколько расслабился.

– Ну, как же, – человек был растерян, – это старший из братьев Семеновых, основной владелец КОФа. Он приглашает вас в гости, и я пришел передать его приглашение, но ваши слуги меня за ворота не пустили, и мне пришлось ждать здесь.

«Да, уж, интересно, – подумал я, – зачем это Сашка Мечников, начинающий купец, понадобился главе третьего по силе и влиятельности клана в государстве. Сначала этот странный отказ в заводской конторе, а теперь это не менее странное приглашение. Ладно, разберемся».

– На какое время я приглашен?

– Анатолий Владимирович хотел бы видеть вас прямо сейчас. Его особняк неподалеку, и через несколько минут мы будем на месте. Хотя, может быть, вы желаете проехаться?

– Нет уж, пошли.

Вдоль по речной набережной мы направились в сторону улицы Тургенева, и спустя пять минут уже входили в одно из красивейших зданий столицы, которое так и называлось «Дом Семеновых». Стоящий посреди большого сада пятиэтажный и монументальный особняк с колоннами, производил сильное впечатление. Все в этом месте было сделано в едином стиле. Чувствовалась рука мастера, который создавал этот, без всякого преувеличения, дворец, и в то же самое время, вокруг не было ничего лишнего. Есть фигурные окна, но они больше напоминают бойницы, есть дорожки через сад, но они расположены так, что прекрасно простреливаются из слуховых окон чердака. Имеются маленькие цветники вдоль них, но что-то мне шепчет, что очень уж они напоминают минное поле. Что говорить, красиво вокруг, но то, что это хорошо укрепленная крепость, для меня стало понятно сразу.

Пока мы двигались через сад к дому, мой мозг лихорадочно вспоминал все, что мне известно о семье Семеновых. Выходцы из Кореновска, с момента основания государства все проживают в Краснодаре, а отец-основатель клана был вторым президентом Кубанской Конфедерации и умер пятнадцать лет назад. Его наследники в политику не полезли, но при этом, наравне с Беловыми из Славянска на Кубани, считались лидерами купеческой партии. Владеют несколькими магазинами в ключевых городах страны и восьмидесятью процентами акций КОФ. В особняке на Кубанской набережной живет только старший брат, глава клана, как говорят, человек со странностями, но весьма умный и расчетливый. Анатолию Владимировичу сорок пять лет, имеет три жены и семь отпрысков, по молодости в поисках приключений гулял с наемными отрядами по окраинам наших земель, прославился жестокостью к бандитам и разбойникам. Сейчас ведет жизнь степенную и осуществляет руководство всем семейным бизнесом. Пожалуй, что на этом, мой источник информации относительно Семеновых иссякал.

Все так же, в сопровождении доверенного лица, скинув в прихожей верхнюю одежду, я шел по дому, и пытался понять, для чего такой человек, пригласил меня в гости. Отчитать за то, что я перебегаю дорогу другим купцам? Очень может быть. Попытаться разузнать о том, куда пойдет наш караван, которому помогает госбезопасность? Вряд ли, об этом он должен знать и сам. Может быть, что-то из старых моих дел всплыло и каким-то боком Семеновых задело? Не знаю.

Впрочем, гадать уже некогда, открылась широкая двухстворчатая дверь, и я вошел в большой и роскошный кабинет, уставленный гнутой мебелью под

старину. На стенах висят многочисленные картины, а хрустальная люстра под потолком, была настоящим шедевром искусства. В центре всего этого восседал он, сам Анатолий Владимирович, массивный и солидный дядька с длинными седоватыми волосами и лицом, испещренным несколькими шрамами. В одном только шелковом халате на голое тело, он расположился в кресле возле небольшого столика из красного дерева и неспешно попивал из маленькой рюмочки коньяк, початая бутылка которого стояла под рукой.

– Разрешите, Анатолий Владимирович? – доверенное лицо чуть склонился на входе и, дождавшись кивка со стороны своего хозяина, пропустил меня вперед, а сам вышел и прикрыл за собой дверь.

Стою, и молча смотрю на хозяина сего места, изучаю обстановку и будущего собеседника, который все так же, сидит в кресле и, попивая самый дорогой коньячок в Конфедерации, рассматривает меня как товар на базаре. Проходит с полминуты, молчание становится тягостным, начинаю нервничать и, наконец, Семенов подает свой голос, который густым басом разносится по кабинету:

– Чего стоишь, гвардеец, присаживайся, говорить будем.

Вот так, ни здравствуйте тебе, ни как дела, а сразу присаживайся для разговора. Ну, раз так, то нет проблемы, подвинул к столику ближайшее кресло, и кивнул на бутылку с коньяком:

– Гляжу, уважаете этот напиток?

Хозяин пренебрежительно скривился:

– Дрянь, клопами воняет.

– А чего тогда его пьете?

– Предлагают заводик по его производству купить. Утверждают, что это будет очень выгодно, так что дегустирую свою покупку и думаю, брать или не брать. Как думаешь, Мечников?

– Сейчас коньяк только на любителя, сбыт будет постоянным, но небольшим. Здесь все зависит от того, как быстро вы хотите окупить свои вложения.

– Ха, – усмехнулся Семенов, – понятие имеешь, только вот не учился ты торговле никогда.

– Да, не учился, – согласился я с очевидным фактом.

– Наверное, гадаешь, зачем я тебя позвал?

– Есть такое дело.

– И как, надумал чего?

– Зачем гадать, вы человек солидный, уважаемый, на пустой разговор время свое тратить не будете, а значит, что сами ситуацию проясните.

– Угу, – сделав еще один глоток коньяка, пробурчал Семенов, почмокал губами и сказал: – Ты меня, Мечников, заинтересовал с того дня, когда с Карой в тюрьме засветился. С тех пор, присматриваю за тобой и поражаюсь тебе, в таких передрягах выжил, в каких мало кто уцелеть мог.

– А зачем вы Карой интересовались?

– Знакомы мы давно, и я ему обязан был сильно.

– Так это вы нас из тюрьмы вытянули?

– Да, моя работа. Долг, он платежом красен, и когда Кара со своим отрядом к Туапсе выходил, я уже понимал, что именно мне его выручать придется. Он потому и сдался в плен, что знал, мое слово крепкое, и я его не нарушу.

– Так ведь это измена государству и предательство интересов страны.

– Да, ладно, – взмахнул он свободной рукой, – тоже мне, изменника родины нашел. Молод ты еще, а оттого и глуп, Мечников. Доживешь до моих годков,

если доживешь, конечно, может быть, что и поумнеешь, а пока, глохни гвардеец, и принимай послание.

Семенов щелкнул пальцами и из-за портьеры появился еще один неприметный человек в черных одеждах, видимо, очередное доверенное лицо. Он вложил в раскрытую ладонь купца два конверта и удалился, а Анатолий Владимирович, покрутив конверты в руках и, просветив их на свет, положил передо мной.

– Что это? – не прикасаясь к посланиям, задал я вопрос.

– Это тебе и жене твоей от Кары.

Шмыгнув носом, я убрал конверты во внутренний карман пиджака, и спросил хозяина дома:

– Вы только из-за этого меня в гости звали?

– Нет, конечно, – он пристально посмотрел на меня, и в этот момент, это был не взгляд добродушного человека, попивающего дорогущий коньяк в расслабляющей домашней обстановке, а взгляд битого жизнью прожженного купчины, прикидывающего, сколько стоит товар, находящийся перед ним на прилавке. Несколько секунд он помолчал, измерил и оценил меня, что-то сам для себя решил, и продолжил: – Письма тебе любой посыльный мог бы передать, и сейчас, они только повод, чтоб на тебя вблизи посмотреть.

– Да, чего смотреть-то, – усмехнулся я как можно добродушней, – самый обычный гвардеец-отставник, скопивший малость деньжат, и подавшийся в торговлю.

– Допустим, – взгляд Семенова вернулся к коньяку, – только вот деньжат у тебя не так мало, как ты это показать хочешь и отставник ты не самый обычный. Поддержка со стороны СБ и полковника Еременко, который за пару лет из никому неизвестного комбата, стал родственником Симаковых и влиятельным человеком, уже многого стоит. Не прибедняйся, Мечников, и простака из себя не корчи, не люблю этого.

– Ко мне есть претензии?

– У меня нет, но уважаемые люди попросили поговорить с тобой, чтобы ты не выпячивал свое превосходство над другими купцами. У нас этого не любят, а на дорогах дальних, все случиться может.

– Хорошо, – кивнул я, – на будущее учту.

– Это правильно, и мой тебе совет, возьми в свой караван пару-тройку приказчиков от других торговых компаний.

– Зачем это?

– В этом случае ты получишь поддержку не только со стороны госбезопасности, но и со стороны купцов, которые увидят, что ты с ними хочешь поддерживать добрые отношения. Поверь, это будет очень полезно для твоих дел, и поможет избежать многих недоразумений.

– Благодарю за совет, Анатолий Владимирович.

– Да, не за что, – коньяк был допит и Семенов, поставив пустую рюмку на стол, встал.

– У меня есть вопрос, – последовав примеру хозяина дома, я тоже покинул кресло.

– Про боеприпасы, что ты сегодня купить хотел?

– Да.

– Завтра все будет хорошо. Это я приказал пока придержать товар и тебе его не отпускать. Хотелось посмотреть, как ты себя поведешь, сразу к безопасникам побежишь за помощью, или лбом в стенку побьешься. Думал, пару дней тебя помурыжить и за нитки подергать, а тут письма от Кары пришли, так что решил сразу с тобой пообщаться.

Сказав это, хозяин дома повернулся ко мне спиной и, так и не попрощавшись, направился во внутренние покои особняка. Да, встреча прошла интересно, но странно, есть, о чем подумать, и есть на кого теперь в торговле равняться.

Повернувшись в сторону выхода, обнаружил, что двери предупредительно распахнуты, и доверенное лицо Анатолия Владимировича уже ждет меня. Что же, задерживать его не стал, и спустя пару минут был на улице.

Дома все как всегда, без происшествий, а значит пришла пора заняться письмами моего тестя. Достав их из кармана, тот, что был подписан моим именем, оставил при себе, а тот, который предназначался Маре, отдал ей. Жена с радостным вскриком умчалась в детскую комнату, а я, засел у себя в кабинете и вскрыл конверт.

Мой тесть писал о том, что он все-таки прощает меня и награду за мою голову отменяет. Нормальное начало. Потом, полстраницы Кара жаловался на свою тяжелую жизнь, которая после подписания мирного договора с Трабзоном резко изменилась к худшему. Еще бы, ведь деньги ему платить перестали, и со всеми своими покровителями он теперь находится в неприязненных отношениях. Мэр Трабзона с ним все же замирился, это да, два хищника разошлись краями. Однако Гюнеш работы не предлагал, а южане, которых он прокидал на Кавказе, не верили ему и, даже, несмотря на то, что им приходилось худо и Крапивин их постоянно давил, контракт с ним заключать не хотели. В общем, на данный момент он оставался с полутора тысячами бойцов на территории Турции, и попросту проедал все свои сбережения, которых ему и его отряду должно было хватить на полгода. Что потом, Кара не знал, но как вариант, рассматривал службу Конфедерации и заканчивал свое послание тем, что просил меня, типа по родственному, сделать пару намеков насчет него в СБ.

Дочитав письмо, отложил его в сторону, и задумался. Блин, с одной стороны, просьба Кары полный бред, ведь от него наше государство ничего кроме зла и подлости не видело, а с другой, полторы тысячи профессиональных солдат, готовых за звонкую монету силовыми методами решить любую проблему, на дороге тоже не валяются. Странно это все как-то, и Буров, этот опытный человек, должен прекрасно понимать, что не мне, начинающему купцу, за него слово говорить, и тот же самый Семенов-старший, с этим справился бы гораздо лучше. Для чего он изложил свою просьбу письменно? Ведь прекрасно понимает, что уже завтра, про бедственное положение дел в его отряде, я доложу Еременко, а тот, отправит информацию выше. Может быть именно для этого? Да, задачка не из легких, но думаю, что со временем все решится своим чередом и, как говорили древние, все тайное станет явным.

Глава 6

Донское Царство.

04.06.2062

К концу весны караван был полностью готов к путешествию, мои дела по чайным плантациям и финансовым вложениям полностью урегулированы, хозяйство находилось в надежных руках, и настало время для осуществления задуманного. Однако произошла непредвиденная задержка, и причина тому была достойная. Генерал Крапивин все же дожал южан, и в сражении при Итум-Кале, которое уже назвали Аргунским побоищем, уничтожил все боеспособные части «Кодс» и пленил генерала Хусейна Резаи. В итоге, во главе дивизии «Дух Аллаха» против него выдвинулся сам пророк Новоисламского Халифата, но в бой вступать не стал, а запросил проведения мирных переговоров.

В общем, умные люди сходились на том, что войне вскоре конец, а значит, можно и отпраздновать славную победу с помпой. Двое суток вся столица гуляла, с фейерверками, салютами, танцами на улицах и торжественными речами. Все как положено и почти так, как в старые добрые времена. Из-за этого события отбытие каравана было перенесено на три дня, душа требовала отдыха, и весь личный состав торгового каравана оттянулся по полной программе.

Наконец, 27-го мая мы погрузились в железнодорожный состав, и спустя двое суток выгружались на станции города Батайска. Дальше железная дорога не шла, поскольку идти ей было некуда, в десяти километрах от этого места нес свои воды к Азовскому морю Дон, и единственный мост через него, который дожил до наших дней, был недавно капитально отремонтированный Ворошиловский. Только он связывал наши территории с правым берегом и столицей региона, городом Ростовом на Дону.

Порядок движения обозной колонны был прост. Впереди, метров за сто от передовых повозок пятерка разведчиков. Потом головной дозор, одна из телег предназначенных под вспомогательный груз с ПК на борту и несколько всадников рядом. За ней шла вся колонна и заводные лошади. Вдоль обоза следовали одиночные охранники, а уже в тылу, двигалась вторая

вспомогательная повозка еще с одним пулеметом, и пятеро бойцов. Люди в караване были хорошо вооружены и знали, что им делать в случае вражеского нападения, а каждый возможный вариант развития событий в дороге не раз отрабатывался в лагере под Пашковской.

Единственные в ком сомневался, это приказчики и работники трех купцов, которых я обошел с повозками, и с которыми по совету Семенова-старшего заключил соглашение о том, что они могут принять участие в торговой экспедиции. Конечно, варежку они раззявили не хило, каждый хотел по десять своих телег в караван поставить, при этом, ни черта не тратиться на охрану. Шиш они угадали, по три повозки с каждого и это было моим последним словом. Впрочем, они и тому были рады, и спихнули ко мне в обоз свой самый залежалый товар и самых непутевых работников.

Поначалу, когда я увидел тех, с кем нам придется идти в поход, этих прикомандированных граждан, хотел разорвать договор, но позже, обдумав ситуацию, решил, что и такие людишки нужны, а их безопасность это их личная проблема. Тем более что следовать они с нами будут только до последнего известного оплота цивилизации, независимого городка Дебальцево, где намерены ждать возвращения каравана из Харькова и вести торговлю своим разнокалиберным барахлом. Кажется, зачем бы трем средним купчишкам участие в таком походе, тем более, не сулящее никакой серьезной выгоды. Оказывается, для престижа и авторитета, поскольку в купеческом сообществе, если ты или твои люди не участвовали в дальних торговых переходах за границы Конфедерации, это торговцу минус.

Обозная колонна выстроилась, я дал отмашку, и так начался наш торгово-разведывательный поход. За первый день прошли от Батайска до Сельмаша. Может быть, и больше осилили, но движение по мосту через реку проходило тяжело. В основном из-за того, что там была пробка, и не только мы хотели побыстрей переправиться с берега на берег. Однако и такой переход всех удовлетворил и, переночевав в Ростове, на следующий день караван снова тронулся в путь.

День шел за днем, неприятностей не было, наступила жаркая летняя пора, и я завел себе что-то вроде походного журнала, толстый широкий блокнот, в который записывал все, что, происходило в дороге. Пока, особо описывать было нечего, так, какие-то мелкие дорожные случаи и встречи, и что-то действительно интересное пошло только к вечеру четвертого дня, когда мы

достигли окраин города Шахты, нынешней столицы Донского Царства.

Еще на подходе к окраинам города мы по рации связались с нашим дипломатом, находящимся при дворе царя Ивана, а потому, за десять километров до самого первого блокпоста, нас уже встречали два офицера дипломатической миссии на крепких дончаках. Оба, как на подбор, лет под тридцать, широкоплечие, с могучей грудью, с тяжелой челюстью, в камуфляже с погонами и при оружии. Да, на дипломатов эти люди походили мало, но именно такие в наше время и нужны.

– Капитан Андрей Татаринцев, – подскакав ко мне, представился первый.

– Старший лейтенант Максим Миронов, – эхом отозвался второй.

– Купец Мечников, – кивнул я, – можно по имени, Александр, или по позывному, Мечник.

Не прекращая движения, караван и сопровождение продвигались дальше, и между нами завязался разговор. Мне хотелось больше узнать про местные дела, а офицерам из охраны нашего посольства, про то, что же творится на родине, где они не были уже целый год, с тех самых пор, как их, всего-то на месяцок-другой, откомандировали сюда. Впрочем, обменявшись несколькими фразами за жизнь, мы перешли к сути.

– Всем твоим людям, Александр, – говорил Татаринцев, – надо быть очень внимательными и осторожными. Царь сейчас в очередном запое и ничего не контролирует, а каждый мелкий чиновник мнит себя, чуть ли не богом и вершителем человеческих судеб, так что будет требовать взятку за проход через подконтрольную ему точку. Мы в местных делах уже кое-что понимаем, а потому и присланы вам в помощь. Всего, надо будет пройти четыре блокпоста, на двух у нас все договорено, а вот на двух других, придется или на лапу отстегивать, или готовиться к серьезным неприятностям.

– Например? – поинтересовался я.

– Засада на дороге и нападение разбойников, которых здесь как собак не резанных, очень много.

– И серьезные отряды?

– До полусотни стволов доходит. Ладно бы, здесь чистая степь была, Дикое Поле, как в древности, но ведь, заросло все лесом и кустарником, а более-менее нормальная дорога только до Дебальцево идет, и все, кто легкой поживы ищет, вдоль нее и сидят. Слева и справа зеленка сплошняком, так что готовьтесь к боестолкновениям.

– Чем местные бандосы вооружены?

– В основном старье всякое, обрезы, немного пистолетов и гладкостволы.

– А как они в бою?

– Шушера, если всерьез бой завяжется, отступят.

– Тогда не страшно, разберемся.

Татаринцев оглядел наших бойцов, следующих впереди и вдоль колонны, усмехнулся и сказал:

– Да, такие воины как у тебя, купец, разберутся, да так, что разбойнички костей не соберут.

– И я так думаю, капитан. Кстати, вы с нами надолго?

– До самого Дебальцево, – он кивнул на Миронова, – старлей радист, и нам приказано с вами связь поддерживать, вроде как промежуточная станция.

– До границ Донского Царства далеко? Как скоро на нейтралку выберемся?

– Если все будет хорошо, то это четыре неспешных перехода: форт «Иван Пятый», Новошахтинск, поселок Должанский и поселок Крепкий.

На ходу, достав распечатанную на принтере карту, сверился со своими расчетами и спросил:

– Новошахтинск это понятно, Должанский тоже есть, а вот форт и поселок Крепкий не обозначены. Это новые названия?

– Да, – кивнул капитан, – форт это поселок Интернациональный, на въезде в Шахты, а Крепкий, пограничное укрепление на правом берегу одноименной реки, на твоей карте ориентир Дарьино-Ермаковка.

– Нормально, – сам себе прошептал я и, сделав на карте отметки, убрал ее в планшетку и продолжил задавать вопросы: – Как здесь, вообще, есть, чем поторговать?

– В Донском Царстве угля много, – усмехнулся дипломатический работник, – а дальше к востоку скотины. Торговать особо нечем, а вот неприятностей на свою голову найти, это запросто. Армия дезертировала, народ разбегается, чиновники сплошь ворье и сволочи, промышленность в упадке, на севере люди пропадают, и если бы сюда пришел кто-то, кто хотел эти земли под себя подмять, то он сделал бы это без особого труда. У царя две пластунские роты из нормальных воинов остались, за присягу крепко держатся, а более, никто ему верность хранить не желает.

– А наше правительство, что по всему этому поводу говорит?

– В столице говорят, что своих проблем хватает, и еще один хомут себе на шею вешать, Симаков не хочет. У самих хоть и получше дела обстоят, но тоже, не все так красиво, как может показаться. Да ты и сам все знаешь, Мечник.

Возразить было нечего, что да, то да, у нас проблем тоже хватало и на слова капитана мне оставалось только утвердительно кивнуть и спросить:

– Согласен, только вы тут тогда зачем, а то я слышал, что вас в Шахтах почти три десятка человек сидит?

– Все правильно, и нас, дипломатических работников и охранников, здесь даже больше. Мы людей сманиваем, к нам уходить, и это ни для кого не секрет. Человек он существо такое, мечтает о стабильности, а она пока только у нас. Опять же караванами вроде твоего занимаемся и за обстановкой следим.

– И что, много торговых караванов здесь бывает?

– За прошлый год было три, в основном ткани привозили, боеприпасы и водку для царского двора, а в этом ты первый.

Прерывая разговор, послышался голос одного из передовых всадников:

– Вижу блокпост.

Так мы добрались до территории Донского Царства, пограничного блокпоста у поселка Майский, место, в котором я уже бывал ранее, во время похода против «беспределов».

На посту стояли десять солдат из пластунов, а над ними, что характерно, старшим начальником был гражданский чиновник, он же таможенник и он же регистратор. Нам была выдана пожелтевшая от времени бумага, дозволяющая проезжать по территории Донского Царства. Взамен сего официального документа, штамп в котором мы должны были ставить на каждом посту, в цареву казну была выплачена сумма в пятнадцать золотых монет.

Обоз двинулся дальше. На первую ночевку останавливались в форте «Иван Пятый», окруженном высоким железобетонным забором поселении, а следующую ночь провели на окраине Новошахтинска, где нас и поджидали первые дорожные приключения. Проехав через развалины города и отметившись на местном блокпосте, мы прибыли в Новую Соколовку и, поставив телеги в круг, стали располагаться на отдых. Все как обычно, кто-то поит лошадей у водоема, кто-то ужин готовит, а кому положено, стоит на страже.

– Эй, – вечернюю тишину разорвал громогласный крик, – купчишки, кто старший?

Возле нашего лагеря, в сопровождении нескольких всадников с факелами в руках, появилась новенькая отлакированная коляска на рессорах. Это к нам в гости пожаловал сам местный бургомистр, господин Бусин, про которого ходило много нехороших слухов.

– А кто спрашивает? – Протиснувшись между телегами, я вышел к незваным гостям.

– Бургомистр Новошахтинска Роберт Алексеевич Бусин. Желает видеть старшего в караване.

– Я старший, кубанский купец Александр Мечников.

Коляска, все так же сопровождаемая всадниками, подкатила ко мне вплотную, и из нее на меня посмотрело рыло, натуральное такое, свиное рыло. Маленькие и заплывшие жиром глазки-пуговки рассматривали меня, а рот, произнес:

– Ты чего, купец, в первый раз в нашем царстве?

– Да, впервые.

– Тогда, ладно, на первый раз прощаю тебя.

– А я в чем-то виноват?

– Все кто через мой город следуют, отстегивают мне долю, и никого о том предупреждать не надо, сами в управу приезжают и отбашливают.

– Странно, – усмехнулся я, – а на границе мне сказали, что город принадлежит царю Ивану Седьмому.

– Нарываешься? – В отблесках факелов глазки бургомистра блеснули красным, ни дать и ни взять, а натуральный вампир, только толстый и на Дракулу никак не похожий.

– А хоть бы и так, то что, прикажешь задержать караван? Так ведь потом неприятностей огребешь, мы не ваши подданные, да и взять нас не просто.

– Ну, ты сам на неприятности напросился, – прохрипел разгневанный бургомистр и, пнув ногой в спину возницу своей коляски, выкрикнул: – Поехали!

Местная власть нас покинула, а подошедший ко мне Татаринцев спросил:

– Может, действительно, не стоило с Бусиным так резко? У него, как говорят, своя разбойная шайка имеется.

– Все в норме, капитан. Когда сегодня через городские руины проезжали, посмотрел я, что здесь и как, и решил, что никому и ничего платить не буду. Здесь на весь городок если с десяток нормальных бойцов найдется, то и это много, и при желании, наш караван может всю местную власть за полчаса под себя подмять. Продолжаем движение в обычном режиме, и если разбойники все же налетят, так хоть развлечемся. Нашим воинам перед серьезным походом в дикие земли, тренировка не помешает. Да и этому разожравшемуся поросенку, который нас навещал, хороший урок на будущее будет.

С утра пораньше, проведя инструктаж личного состава, вперед перед колонной отправил бойцов Астахова и пятерку своих гвардейцев. Воины, почуявшие реальное дело, умчались вдаль только пыль столбом, а я отдал команду начать движение, и обоз покинул окраины Новошахтинска. Еще с вечера я посидел над картами, обмозговал сложившуюся ситуацию, и пришел к выводу, что самое лучшее место для нападения на нас, это развалины свинофермы, расположенной невдалеке от железнодорожной станции Закордонная. Это как раз середина пути между Новой Соколовкой и поселком Должанский, где у каравана была намечена следующая остановка. Местность там для засад подходящая, сильно поросшие густым кустарником овраги, развалины и парочка родников, что по летнему времени для тех, кто сидит в засаде, играет очень большую роль.

Как показали дальнейшие события, я оказался прав на все сто процентов, и когда к полудню караван достиг предполагаемого места засады, и остановился на дневку, к нам с Татаринцевым поспешил радостный Астахов, который командовал операцией по обезвреживанию разбойников.

– Мечник, ты как догадался, где засада будет стоять!?

– На карту посмотрел и прикинул, где бы я сам засел. Ничего нового, старый как мир прием, поставить себя на место противника. Как все прошло?

– Отлично, не доезжая два километра до места, спешились и обошли противника с тыла. Разбойники отдыхали, а мы как на учениях отработали, часовых и дозорных вырубили, а остальных на месте их стоянки повязали.

– Много их было?

– Мы насчитали тридцать пять рыл и, вроде бы, никого не упустили. Они сейчас на развалинах возле родника сидят.

– Что с оружием?

– Все как Андрей говорил, – он посмотрел на Татаринцева, – обрезы винтовок, несколько пистолетов, полтора десятка охотничьих гладкоствольных ружей и два в хлам убитых «калаша». В общем, даже если бы мы их сейчас не повязали, то и потом, на дороге, отбились.

– Отбиться одно, а пуля дура, может и профессионала случайно свалить. Ладно, пойдем к пленникам. Ты их уже допрашивал?

– Когда? Полчаса только как работу закончили.

– Пошли, пообщаемся с работниками ножа и топора, романтиками с большой дороги, – мне вспомнилась старая песенка, сохраненная на одной из моих флэшек, и через тропинку, протоптанную в зарослях боярышника, сопровождаемый Астаховым и Татаринцевым, я направился к ферме.

Разбойники, которых захватили наши воины, со связанными за спиной руками, сидели на бетонной площадке в центре развалин, и испуганно разглядывая трех охранников, карауливших их, ожидали решения своей участи. Главаря я определил сразу, Мощный костистый мужик с аккуратной короткой прической, по сравнению с другими пленниками, одет очень неплохо, в чистый и пару раз штопанный маскхалат, а на ногах добротные берцы. В общем, отличался он от своих подчиненных очень сильно и, кроме того, его выдавало то, как на него смотрели остальные разбойники. Видимо, для них он был личностью авторитетной, и они надеялись, что вожак сможет как-то мирно разрешить вопрос с их пленением.

Ногой, обутой в кожаный сапог, удобный для верховой езды, я подкатил к главарю чурбак, лежащий неподалеку и, присев рядом, спросил его:

– Ты кто, мил человек?

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/vasiliy-saharov/mechnik

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить